

The background is a complex, layered painting. It features a man with dark, curly hair and a woman with light hair, both looking towards each other in a close, intimate pose. The scene is bathed in a warm, fiery glow of orange and red, with a bright, circular light source behind the woman's head. The background also shows architectural elements, possibly a cityscape or a grand interior, rendered in a dark, textured style. The overall mood is dramatic and emotional.

**Офицер
по связям
с реальностью**

Варвара Рысь

Варвара Рысь

Офицер по связям с реальностью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68956143

SelfPub; 2023

Аннотация

В повести переплетены общественно-политические события и любовная история. Герои – студенты МГУ, учителя, журналисты, члены либеральной тусовки, представители потустороннего мира. События разворачиваются в наши дни и в близком будущем. Боевые действия на Украине закончились победой России, но враги, внешние и внутренние, не уgomонились: они стремятся разрушить российскую государственность и устроить цветную революцию. На стороне антироссийских сил выступает сам Дьявол и его воинство. Его сотрудники изобрели аппарат, позволяющий формировать мысли и поступки широких слоёв населения без их ведома. Один из главных изобретателей аппарата – молодой талантливый чёрт. Ему приказывают включить аппарат. Изобретатель стоит перед трагической дилеммой: вызвать революцию и долговременную смуту в стране, которую он любит и где живут его любимая и его дети, или нарушить свой долг офицера дьявольского воинства? Какой путь

он выберет и к чему он приведёт? Об этом вы узнаете, прочитав повесть.

Содержание

1.	5
2.	15
3.	25
4.	33
7.	61
8.	69
9.	77
12.	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Варвара Рысь

Офицер по связям с реальностью

1.

Он возник из метели, что мела со вчерашнего дня. Прасковья выходила из университетского садика на Моховую после занятий, и первое, что бросилось в глаза, была белая снежная шапка на тёмных кудрявых волосах. Снег лежал и не таял. «Наверное, очень плотные волосы, – равнодушно подумала она, – иначе б растаял». На самого прохожего не обратила внимания, не до того было.

В тот день она с хрустальной ясностью поняла: до сегодняшнего дня занималась фуфлом и шла в никуда. Пройдёт полгода, она получит свой красный диплом – и свободна. Выгонят из общаги, а следовательно – из Москвы: чтоб снимать квартиру, надо зарабатывать тыщ сто, ну минимум восемьдесят. А те обрывки работы, которые у неё случались – это кошкины слёзки. «Кошкины слёзки» – это выражение её тётки, что живёт с ними в одном доме, только входы разные. Вернуться в свой старинный городок в дальнем углу Москов-

ской области? Можно, конечно, но это уж неудачничество как оно есть. После МГУ – в родную деревню. Шесть лет – шесть! – прокрутилась в Москве – и ни за что не зацепилась. Другие вон за две недели устраивают жизнь. А она – даже парня приличного не поймала. Впрочем, журфак – это по нынешнему времени сплошные девицы. Что и подтверждает его полную никчёмность и бесперспективность: парни идут туда, где деньги – хотя бы предполагаемые. А где они нынче предполагаются? Поди пойми... Другие вон как-то понимают.

Другие – умные, знающие, успешные, сорок второго размера, а оттого, наверное, умеющие пролезть в любую щель и вообще протыриться куда надо – эти самые другие были её виртуальными спутниками, которые шли с ней по жизни, отравляя её. С ними она сравнивала себя – толстую, полного сорок шестого размера, а внизу, по правде сказать, и вообще ближе к сорок восьмому, умеющую лишь мастеровито заучивать предметы на твёрдую пятёрку, да ещё писать никому не нужные статьи «скованным стилем», как выразилась одна редакторша женского журнала.

Другие были настолько далеко, что она даже не была знакома ни с одним из них, но тем блистательнее они представлялись в её сознании. Встретила бы – не решилась заговорить. Это, кстати, ещё одно доказательство профнепригод-

ности: что за журналистка такая, которая не может заговорить с кем угодно?

А вот заснеженный брюнет – решил.

– Вы тут учитесь? – спросил приветливо-учтиво.

– Учусь, – ответила она без особого энтузиазма, т.к. была погружена в свои мысли.

– Хорошее место, историческое, – кивнул он в сторону Кремля.

– Историческое, а толку? – хмыкнула Прасковья и наконец разглядела незнакомца. Парень был хоть куда: высокий, стройно-плечистый, с гладко выбритыми, но тем не менее чёрноватыми щеками и – серо-голубыми внимательными глазами. Над голубыми глазами – тёмные брови. Словом, красавец, да ещё и южный, но не кавказского, а невесть какого типа. В общем, «нэ мэстный». При этом с голубыми глазами. Если у такого есть деньги – ему нужна фотомодель, а если денег нет – скорее всего, вообще ничего не нужно. А у неё дела: диплом писать, работу искать. Если уж знакомиться – то с прицелом замуж. А с этим – какой замуж?

Однако дошли вместе до метро. Он расспросил об учёбе, о дипломе. Она пыталась уловить немосковский акцент – и ничего не услышала, хотя имела небольшой опыт вслушивания в произношение: на втором курсе писала курсач по русской фонетике, вернее, фоностилистике. Прощаясь воз-

ле метро, он почтительно и даже изысканно, словно бы по-старинному сказал:

– Я был бы рад встретиться с Вами снова. Быть может, мы сходим посидим где-нибудь, а то нынешняя погода к прогулкам не располагает.

– Ну... хорошо, – неожиданно для себя согласилась Прасковья, хотя за минуту до этого твёрдо знала, что не будет тратить на красавца время.

– Тогда позвольте представиться, – незнакомец явно обрадовался. – Меня зовут Богдан Светов.

– Меня – Прасковья, – ответила она равнодушным голосом.

– Чудесное имя! – Богдан слегка рассмеялся, как смеются от большого удовольствия, показав сплошной ряд белых зубов. «Как у Вронского: у того тоже были сплошные зубы», – подумала Прасковья. Мама – провинциальная учительница литературы – приучила её думать литературными цитатами, аллюзиями и реминисценциями.

– Меня назвали в честь прабабушки – героини Великой Отечественной войны, – объяснила Прасковья серьёзно, без намёка на кокетство. – Она была партизанка, почти как Зоя Космодемьянская. Но, как Вы понимаете, сумела выжить и стать моей прабабушкой.

– Она прекрасно сделала! – улыбнулся Богдан. – Давайте поступим так: Вы скажете мне, когда у вас заканчиваются занятия, и я буду ждать на том же месте – у забора.

– А Вы разве не работаете?

– Работаю. Но я, можно сказать, надомник. Сейчас, во всяком случае. Так что я готов подстроиться под Ваше расписание. Вы можете мне позвонить за полчаса: я живу недалеко отсюда.

«Ого, он живёт в Центре!», – изумилась Прасковья. Как все провинциалы, она ощущала жительство в Центре высшим жизненным благом. Даже не просто благом, а высшим проявлением человеческого бытия.

– Так значит, до завтра? – Богдан снова показал свои сплошные зубы.

По дороге до общежития она пыталась сообразить, кем мог быть её новый знакомый, и ничего не могла придумать. Бизнесмен? Нет, бизнесмены такими изысканно-воспитанными не бывают. Те, для кого деланье денег – профессия, должны быть наглыми и хищными. Айтишник? Вышел прогуляться, чтобы освежить голову – ну вот она и подвернулась. Но для айтишника он слишком лощёный: гладко выбрит, красивая кожаная куртка, отделанная волчьим мехом, кожаный рюкзак, чистые ботинки, несмотря на слякоть. Известные ей айтишники так не выглядели. Впрочем, знала она их не много, общим счётом четверых: это были физики-расстриги с физфака. Познакомилась с ними ещё на первом курсе на балу, который специально устраивали в старинном здании на Моховой, чтобы подружить физиков и лириков. С

той поры физики закончили университет, не нашли занятия по специальности, которая оказалась чересчур мудрёной для узко мыслящих работодателей, наших и зарубежных, ну и пристроились в айтишники. Временно, разумеется. Теперь для айтишников они физики, для физиков – айтишники, а это вернейший способ сформироваться в твёрдого, неколебимого неудачника. Вся внешность четырёх прасковьиных друзей-физиков говорила об этом: вытянутый свитер, не ведавшие ваксы штиблеты с белыми разводами... Хотя зарабатывать они должны вроде прилично...

Обращать пристальное внимание на обувь Прасковью научила одноклассница Рина – исключительно прошаренная девица, работающая в гламурном журнале за приличные деньги; правда, она никогда не озвучивала свой доход. «Ботинки должны быть не дешевле двухсот долларов – объясняла Рина; цену важных вещей она всегда объявляла в долларах. – Если дешевле – это лузер, нечего на него тратить время». Прасковья не умела определять цену ботинок на взгляд, но верила Рининой опытности. Вообще-то видно, когда обувь дорогая, породистая, удобная, мягкая. Ну, или хотя бы новая.

Нет, заснеженный парень – вряд ли айтишник. Да какая разница, кто он! В конце концов, ничего дурного он не предлагает, а почему бы не сходить куда-нибудь, развеяться?

На следующий день пошли в кафе в ГУМе. Ели вкусное и дорогое. Дорогая еда всегда казалась Прасковье чем-то неправильным, ненужным, почти безнравственным. Потратить деньги на книгу или даже на билет в театр – это понятно. Особенно на книгу. А еда – какая разница? Главное, чтоб было сытно, быстро и недорого. Лучше всего – щи с мясом или куриная лапша – дёшево и вкусно. Или овсяная каша на молоке. А на сэкономленные деньги – хорошая книга. Так учила ещё бабушка, тоже учительница русского и литературы. Какая разница, чем насыщаться? Но разница была. И Прасковья ела с увлечением. А Богдан глядел на неё ласково, словно на ребёнка, который «хорошо кушает». Потом дошёл до того же самого входа в метро, и она уехала в родную общагу. Договорились, что в следующий раз пойдут в Малый театр. И ещё на каток на Красной площади.

Стали встречаться. В старинном смысле слова – проводить время вместе. Сейчас-то под «встречаться» подразумевают всё больше секс, а они, словно в молодёжном романе 50-х годов, ходили в театр и на каток. Просмотрели в Малом все пьесы Толстого «про царей». Даже стихи декламировали на улице при возвращении из театра – это уж точно эстетика 50-х. Одна лишь разница: в романе 50-х стихи должен был читать парень, а в их случае это была Прасковья. Она развлекала Богдана стихами А.К. Толстого, которого любила с

детства и знала страницами. Они гуляли по Центру, и Прасковья декламировала «Историю государства Российского от Густомысла до Тимашева»; её она знала наизусть целиком, включая вкрапления по-немецки, хотя немецкий учила один семестр и ничего не выучила.

«Перун уж очень гадок!

Когда его спихнем,

Увидите, порядок

Какой мы заведем!», – повторил, улыбаясь, Богдан. Как много это описывает в отечественной истории!

Прасковья незаметно для себя рассказала ему всю свою жизнь – прошлую и настоящую. И про невнятное будущее рассказала. Он вроде и не спрашивал ничего – просто слушал, изредка задавая уточняющие вопросы, а она вываливала и вываливала всё подряд, вроде как брату. Со своим младшим братом Прасковья не особо дружила: с ним, она считала, было не о чем поговорить, он не любил никаких умственных материй, видно, пошёл в отца – учителя труда.

Их семья разделялась на две равные части – женскую, культурно-умственную, и мужскую – практическую. Не ссорились, не спорили, но каждой стороне интересы другой, в глубине души, казались вздором и пустяками. А какие же это пустяки, если живёшь в доме 1902 года постройки? За деревянным домом нужен хозяйский пригляд и уход. Вот его-то

и осуществлял отец – молчаливый и рукастый.

Встретив Богдана, Прасковья впервые пожалела, что не подружилась со своим братом. «Вот вернётся из армии – непременно постараюсь понять его лучше», – подумала вскользь. А пока – будет Богдан за брата. Он и держался, как брат: был внимателен и заинтересован, при этом не пытался обнять, не брал за руку, вроде как от неё ему ничего не нужно. Впрочем, почему «вроде как»? Не нужно, да и всё. Ну и ей тоже ничего не нужно. А почему не сходить в театр или в ресторан?

Про себя Богдан рассказал, что по образованию военный переводчик, а работает в области прикладной лингвистики. В общем, почти аййтишник. Но по осанке и походке – строевой офицер. Притом не современный, а из классической литературы – где «честь имею», балы и дуэли на рассвете. Недаром она вспомнила про Вронского при первой встрече. Но Вронский в романе невысок ростом, а Богдан – наверное, под 190. Ещё выяснилось, что ему всего двадцать пять, а ей поначалу подумалось – больше, лет под тридцать. Выходит, они почти ровесники, но Прасковье всегда казалось, что он старше. Когда узнала его возраст, тут же предложила перейти на ты: не умела быть на Вы с ровесниками.

Но, как бы то ни было, она понимала: красавец, да ещё

живущий в Центре – не для неё. Каждый ведь ощущает свою котировку на ярмарке невест/женихов. К тому же муж-красавец – это опасно. Это она знала с детства. Вот у тётки, маминой старшей сестры, был когда-то муж-красавец, о чём в семье говорилось смутно, и он её бросил. Вернее так: он откуда-то приехал, женился на тёте Зине, а потом опять уехал восвояси, а тётя Зина осталась там, где всегда жила – в одном доме с семьёй родителей Прасковьи. Так и живёт тётя Зина одна, детей не родила. Сейчас-то она старая, шестьдесят почти, а тогда, ясное дело, было обидно.

2.

Зима, такая нескончаемо долгая, меж тем кончилась. Какток растаял, в Александровском саду зеленела трава, ожидалась защита диплома, экзамены, обступали хлопоты о работе.

По-прежнему встречались с Богданом, это стало привычкой. Он был внимателен, порой казалось, даже нежен, старался развлечь поинтереснее и накормить повкуснее – но и только. При этом, очевидно, старался: культурную программу продумывал, предлагал варианты на выбор, запоминал, что ей нравится.

Говорить с ним было легко и интересно – и на том спасибо. С иными кавалерами, с теми же физиками, разговор напоминал игру в бадминтон с тётей Зиной, когда той являлась фантазия поиграть. Прасковье приходилось непрерывно поднимать волан откуда-то снизу и носиться по всему полю, чтобы он окончательно не упал. Вот так же получалось и с разговорами. Беседа с прошлыми Прасковьиными кавалерами-физиками, да и не только с ними, постоянно падала, и ей приходилось её поднимать от самой земли. С Богданом не так: разговор журчал, словно ручеёк по камушкам, и всякий раз, расставаясь, они обнаруживали, что о чём-то не до-

говорили.

У Прасковьи день рождения первого мая – такое вот забавное совпадение. Когда Богдан узнал – тут же спросил: что подарить кроме цветов? Сказал, что не любит пустых и формальных подарков.

– Книга – лучший подарок, – не колеблясь, ответила Прасковья. – Я ведь дочка и внучка учительниц литературы.

– Тогда сделаем так: пойдём в «Библио-глобус», посмотрим книжки, и ты выберешь сама. А потом съедим стейк по соседству, в стейк-хаусе. Ты любишь стейки?

– Люблю, – соврала Прасковья, – хотя сроду их не ела. Разговоры о страшно дорогой мраморной говядине – слышала, вернее, читала в какой-то Рининой статье в «атмосферном» журнале, но есть – не ела.

– Отлично! Наши вкусы совпадают, – обрадовался Богдан. – Я стейки не только есть люблю – я и жарить умею. У меня есть специальный мясник, к которому я иногда езжу за мясом для стейков. Следующий раз поджарю тебе стейк, и ты сравнишь.

«Потрясающе, – изумилась Прасковья, – Вронский тоже ел стейки. Назывались они только по-другому: «бифстек», кажется». Из памяти выплыло: «В день красносельских скачек Вронский раньше обыкновенного пришел съесть бифстек в общую залу артели полка». А вот ещё: «Врон-

ский ел свой бифстек, когда она вышла в столовую. – Ты не поверишь, как мне опостытели эти комнаты, – сказала она, садясь подле него к своему кофею. – Ничего нет ужаснее этих *chambres garnies*...». М-да, были у людей проблемы... Ей бы, Прасковье хоть бы самую плохонькую *chambre garni*¹, хоть в Выхине, хоть в Капотне.

Прасковья не то, чтоб сильно любила «Анну Каренину» – просто она знала несколько классических произведений близко к наизусть, «Анна Каренина» в их числе. Так что в случае чего – пойдёт преподавать литературу.

Встретились они не первого, а третьего мая: первого-второго она была у родителей. Соседки упорно желали ей на день рождения «жениха хорошего»; прежде этого не было: видимо, сейчас она, по их мнению, вошла в надлежащий возраст. «Мальчик-то у тебя есть?» – спрашивали родительские сослуживицы. «Да нет пока», – ответствовала Прасковья. Те вздыхали.

А третьего мая пошли с Богданом в стейкхаус. Стейки показались Прасковье сильно переоценёнными – и в меню, и в общественном сознании. Ну что ж, на свете много дутых репутаций. От писателя Набокова до однокурсницы Рины Рузаевой.

¹ Меблированная комната (*франц.*)

Прасковья давно заметила: она уважала Рину в обратной зависимости от собственных успехов. Когда всё бывало глухо и беспросветно – очень уважала и непререкаемо верила в её жизненную мудрость, в роскошных кавалеров, работу на телевидении, политических покровителей и приглашения из-за границы. А в дорогом ресторане образ Рины скукоживался, тускнел и превращался в копеечную хлестаковщину, начиная с самого имени «Рина». На самом-то деле она – Катя – Катерина, но быть Катей – тривиально, а вот Рина – это может на кого-то подействовать. К тому же Рина Рузаева – звучит, в самом деле, неплохо; как *rep name* – вполне годно. Словом, «Звала Полиною Прасковью / И говорила нараспев, / Корсет носила очень узкий /И русский Н как N французский/ Произносить умела в нос». Самое смешное, что на занятиях по английскому Рина называла Прасковью именно Polly и даже Pauline. Странно, что тогда Прасковье было не смешно. А попала в стейк-хаус – и стало задним числом смешно. Вот что значит обстановка.

Обстановка была и впрямь породистая: кирпичные толстые стены, сводчатый потолок. И не какая-нибудь наклеенная плиточка «под кирпич» со строительного рынка, а настоящий живой кирпич, старинный, девятнадцатого, наверное, века. А подоконники-то, подоконники какие глубокие! Хорошо бы сидеть на таком подоконнике на матрасике ива-

новского ситца в мелкий цветок и смотреть на улицу. У неё дома есть такой матрасик – его сделала тётя Зина, когда родился брат Егор. Ткань тётя привезла в стародавние времена из профсоюзной поездки по Золотому Кольцу, купила, кажется, в Костроме. Вот на таком матрасике, набитом сеном, да-да, непременно сеном, пахнущим летом, сидела бы Прасковья и глядела на улицу. А надоест глядеть – можно книжку читать. Ту самую, которую выбрала в Библио-глобусе, а подарил Богдан – энциклопедию Средневековья. Вообще-то это такой тяжёлый фолиант, что удобнее его читать за столом, но на подоконнике – стильнее. Атмосфернее.

Прасковья невольно залюбовалась на своего визави, хотя вообще-то старалась на его внешности внимания не сосредотачивать: они же друзья, не более. А тут вдруг взглянула и обомлела: до чего хорош! Сидит с абсолютно прямой спиной, ножом-вилкой орудует умело: отрезает маленькие кусочки и отправляет в рот, чтобы быстро проглотить и в любой момент иметь возможность заговорить. Говорит, впрочем, мало, больше слушает, а если говорит, то дивно ласково и уместно.

Определённо, жизнь перенесла её в какой-то неведомый пласт бытия. В тот, где рестораны, импозантные кавалеры, элегантные беседы о том-о сём и вовсе нет забот о зарплате, съёме однушки в Некрасовке и убогом заработке репетитор-

ством по русскому, английскому, литературе, «а также всему, что понадобится впредь», как сказано в незабываемой «печатке Польшаева». Все эти предметы «то вместе, то поврозь, а то попеременно» преподавала Прасковья скучливым школярам, что и позволяло ей так-сяк прокармливать себя в столице, почти не прибегая к родительским субсидиям. Так вот, в том пласте реальности, в котором она по странному стечению обстоятельств оказалась, всей этой убогой суеты просто нет. Как в английском нет падежей, а в русском – согласования времён.

В этом новом пласте реальности, наверное, и работа найдётся, притом хорошая, – даже не подумала, а ощутила Прасковья. Ощутила почему-то плечами: они распрямились. Почувствовала теплоту. Словно кто-то ей сказал: да! По специальности, не по специальности – какая разница! Да и есть ли у неё специальность, а если есть – нужна ли она хоть кому-нибудь?

Вчера смешливый доцент, её научный руководитель, рисуясь, развивал перед студентками такую идею: иметь диплом переводчика или журналиста – гораздо хуже, чем не иметь никакого. Если у человека нет никакого диплома, он ничего о себе не думает, его сознание не замутнено, он смотрит в оба на окружающую жизнь и выискивает любые возможности заработка. И довольно легко находит, потому что

возможностей заработка вокруг – пруд пруди. Но это когда нет никакого диплома. А если, на беду, есть диплом журналиста или переводчика – тут пиши пропало. – Доцент дурашливо разводил руками. – Владелец диплома обременён мыслью о своей профессии, и оттого не видит массы шансов, потому что ищет «работу по специальности». На другие возможности у него стоит фильтр сознания. Или ограничивающее убеждение, что примерно одно и то же. Сними фильтр – и возможности немедленно появятся. А как его снимешь? У него же диплом.

– Наверное, так и есть, – рассмеялся Богдан, когда Прасковья пересказала ему рассуждения доцента. – Гугл-переводчик со своим делом справляется вполне сносно, так что переводчик – совершенно устаревшая профессия. Странно, что их выпускают и выпускают. Единственное объяснение: надо занять праздную молодёжь необременительным обучением, дать им какое-то подобие социального статуса. А переводить просто не требуется.

– Ну да, пропустить через Гугл-переводчик, немножко подредактировать – и порядок, – согласилась Прасковья.

– Художественный перевод – это несколько потруднее, – заметил Богдан. – Редактирование после Гугл-переводчика окажется чем-то вроде перевода по подстрочнику. Говорят, так и переводили с экзотических языков народов СССР, только подстрочник изготовляли, понятно, вручную.

А ты почему пошла на журфак, если он так бесполезен, как ты говоришь? Туда же, наверное, и поступить не так просто.

– Не просто, надо высокие баллы по ЕГЭ. У меня были жуть какие высокие, похвалилась Прасковья. – Ведь у меня не только мама, у меня и бабушка – учительницы русского и литературы. А прабабушка – начальной школы.

– Которая партизанка Прасковья?

– Ну да, та самая, когда-нибудь расскажу тебе о ней.

– Ужасно интересно, расскажи, – искренне проговорил Богдан.

– Это потом, я фотографии привезу. А насчёт экзаменов – мама меня сама готовила к ЕГЭ, у меня «сотка» по русскому и по литературе. Я даже обладаю таким ныне утраченным искусством – писать без ошибок от руки. Что-то вроде стряпни в русской печке или домашнего ткачества.

– Кошмар, – проговорил Богдан с комическим ужасом. – Теперь я ни за что не решусь написать тебе письмо от руки: признаюсь, по-русски пишу с ошибками.

– А по-каковски без ошибок? – удивилась Прасковья.

– Ну, по-английски и даже по-французски я чувствую себя гораздо увереннее. А какие ещё предметы сдают на журфаке?

– Литературу. Классическую литературу я знаю – с детства читала, – похвалилась Прасковья.

– Заставляли?

– Да нет, – возразила Прасковья, – нравилось. Да, пожалуй, нравилось, – утвердилась она сама в этой мысли, вспоминая как после восьмого класса лежала на раскладушке в саду, читала «Обрыв» и представляла, что у них по дороге к реке на высоком берегу стоит та самая беседка, что описана в романе. – Сначала-то я собиралась в другое бесполезное место – на филфак, – продолжала Прасковья, – поступала туда и сюда – и, что интересно, поступила на оба факультета. А когда надо было выбирать – выбрала журфак. Даже сама не знаю, почему. Наверное, из-за места напротив Кремля. Я же провинциалка, а тут – целый Кремль. Я по первости, бывало, гуляю в Александровском саду и думаю: «Господи, где же это я? Неужто под стенами московского Кремля?». Потом привыкла.

Меня и сочинения мама учила писать класса с четвертого. Очень просто: в каждом тексте должна быть тема и идея. Берёшь тему – отбираешь материал. Только на эту тему – ни на какую другую. Она так объясняла: это вроде рассыпанных бус разного цвета. Какие бы красивые ни были бусины – ты отбираешь только те, которые тебе нужны – красные там или синие. А идея – это ниточка, на которую нанизываются бусы. Каждый текст должен иметь хоть маленькую, плохонькую, но идею. И все факты должны топить за эту идею. Ты не поверишь, я и сейчас пишу по маминой прописи.

– Отчего же не поверю? – улыбнулся Богдан. – Мне тоже приходится иногда кое-что писать, и я примерно так и действую. Правда, в моём случае нельзя упускать факты, которые не укладываются в идею.

В ожидании десерта Прасковья открыла книгу. Попалась забавная картинка, где черти жарят грешника.

– Смотри, какие милые! – показала Богдану. – Худенькие такие – загляденье.

– Нравятся? – спросил Богдан.

– Очень! – правдиво ответила Прасковья. Худоба была для неё неоспоримым и недостижимым идеалом. – Если бы эти ребята существовали на самом деле, они были бы гимнастами или акробатами, – произнесла она мечтательно.

– А может, они и существуют на самом деле, – серьёзно проговорил Богдан. – Откуда-то ведь художники их взяли.

– Ну, если существуют – тем лучше, – благодушно согласилась Прасковья. – Тогда у меня имеется шанс увидеть одного из них.

– Может быть, – рассеянно произнёс Богдан.

3.

По дороге до Театральной площади он был задумчив и против обыкновения почти не смотрел на неё. Что-то мгновенно и непонятно сломалось в той дружески-непринуждённой атмосфере, в которой всегда проходили их встречи. «Надоела я ему что ли?» – Прасковье вдруг стало пусто, холодно и страшно, но она тут же разозлилась на себя за этот страх. «Ну и фиг с ним, не больно-то и нужен», – подумала горделиво и заторопилась к метро. Наскоро простилась и метнулась к эскалатору. Спустилась к станции «Охотный Ряд» и уехала восвояси. А он, надо полагать, пошёл к себе домой.

Их, с позволения сказать, роман разворачивался на маленьком пяточке в самом Центре, где магазины настолько дорогие, что это скорее не магазины, а музеи, квартиры за десятки, а может, и сотни миллионов (Прасковья не отличала десятки миллионов от сотен, для неё это было вроде световых лет – нечто необозримое умом), а счастливые обитатели ходят пешком и даже не подозревают о существовании какого-нибудь Очакова или Новокошина. Они не живут в общежитии, не варят гречку на общей кухне, не ездят на электричках, разве что изредка на метро, да и то пару остановок, не больше. Нет, не Прасковьино это место. Она, «Прасковья из Подмосковья», как звали её на курсе, могла быть тут гостьей,

прохожей, экскурсанткой, но не жительницей.

Жительницей она была в своём старинном городке на окраине области, где больше века стоит их домик с настоящей печкой, которую никто не топит, потому что, слава Богу, уже давно провели газ, и отапливаются им. Печку используют только для сжигания коробок, бумажных обёрток и всякого горючего хлама. Разве что в очень холодные зимы слегка подтапливают.

Однажды в печи она сожгла написанные ещё в школе сказки, когда поняла, что всё это чушь и никому не нужно. Писала она от руки в тетради; потом не раз жалела той тетрадки с надписью «по химии». Рассказала об этом Богдану: она незаметно для себя привыкла всё рассказывать Богдану. Тот ответил, что Карамзин говорил кому-то, будто свой замечательный слог выработал благодаря камину: писал и сжигал, и опять писал. Да и сама Прасковья читала, что Гоголь советовал авторам переписывать текст восемь раз. Восемь! От руки! Ну, на то он и Гоголь. А сегодня всё одноразовое: пишут за один раз, читают один раз (это ещё хорошо); стаканы, девушки и книги – всё одноразовое: сплошной прогресс и дивное удобство.

Лет тридцать назад отец своими руками возвёл на заднем дворе кирпичную пристройку, и там поместились все дары

цивилизации: АГВ, ванная с душем, туалет, кухня, стиральная машина. Тогда потратили все сбережения на это предприятие. И хорошо, что потратили: очень скоро от них всё равно ничего бы не осталось, их бы напрочь сожрали гайдаровские реформы. А теперь остались удобства. Правда, неказистые по нынешнему времени, да и чинить приходится то и дело, но на то отец – учитель труда.

Пройдёт совсем немного времени, произойдёт фазовый переход – и старая рухлядь превратится в престижный винтаж, о котором любит писать Ринин журнал. Может, тогда они развернут скатанный в трубу и скромно стоящий в углу ковёр люберецкой фабрики, который купила ещё прабабушка. Рассказывали, что до Прасковьина рождения он висел на стенке и в новый год к нему прищипливали английскими булавками елочные гирлянды из лампочек. Потом ковёр понизили в статусе и положили на пол, и она, Прасковья, в малолетстве играла на нём. А потом и вовсе убрали: стало модно презирать и почти ненавидеть ковры за совковость и отсталость. Мама и бабушка говорили, что гоняться за модой – глупо и им всё это совершенно неважно, но мода, вероятно, действует и на тех, кто за ней не гоняется. Между прочим, недавно она прочла в Ринином атмосферном журнале, что советские ковры снова модны и престижны.

Она ехала по красной линии в общагу и ей ужасно захо-

телось домой: вот получит диплом – и немедля туда. И перестать думать о Богдане: надоела – так надоела. «Так всё и должно было кончиться, и хорошо, что кончилось», – говорила самой себе. Не хватало ей стать тётёй Зиной №2. Не будет ему звонить. Впрочем, она и прежде почти никогда не звонила, разве что для уточнения времени и места встречи, а так – инициатива всегда была его.

Бабушкину мудрость, что девушка должна быть скромной и гордой из неё не выбила даже Москва. Даже журфак, где несколько лет назад девицы выпустили календарь с самими собой в полуголом виде. Вроде как это было приурочено к визиту некого высокого лица, которое в итоге не приехало. Потом долго тянулась сопля о профессиональной этике журналиста, то, сё... Потом забылось: всё на свете забывается, сенсации – даже быстрее прочего.

Нет-нет, Прасковья не осуждала журналистскую обнажёнку, вовсе нет. Понять можно всех, и нагих чаровниц, разумеется, тоже. Но это уж совсем крик отчаяния. А, с другой стороны, что делать? Чем и сколько может нынче заработать молодая девушка с гуманитарным образованием, помимо Пятёрочки и Макдональдса? «Пятнадцать копеек в день, сударь, не заработает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши!», – на автомате вспомнила внучка и дочка учительниц литературы слова Марме-

ладова.

Так что, может, они и правы, эти девицы... Рина учила: мы, журналистки, – по нынешним временам самые востребованные профессионалки. Не в качестве журналистов, конечно, востребованы: эти-то сто лет никому не нужны, исчезни девять десятых – никто и не заметит. Дело в другом: состоятельные мужчины, по-теперешнему – «статусные», ныне всё чаще берут в содержанки журналисток. Когда-то в незапамятные времена брали танцовщиц, потом актрис, певичек там всяких, потом, в 90-е, бандюки предпочитали топ-моделей, а теперь вот, якобы, журналисток. Особенно телеведущих. Рина давала понять, что ей ничего не стоит пристроиться и в телеведущие, и в светские подруги богатого и знаменитого, но – не хочет. Чего хочет? «Увидишь» – таинственно заводила она глаза вверх. Глаза вверх по НЛП значит враньё; впрочем, может, Прасковья что-то путает, по НЛП она закончила только половину курса, на вторую половину не случилось денег: рассчитывала на гонорар, но не заплатили. Однако, как всегда бывало в момент упадка, Ринина мудрость снова казалась ценной.

«Ну и ладно, – думала Прасковья. – У всякого свой путь. Вернусь домой, буду работать в своей школе, преподавать литературу, мама говорила: как раз нужен учитель русско-го-литературы». Одновременно станет вести кружок журна-

листки и работать в газете «Гласность», в анамнезе «Знамя коммунизма», писать заметки, воспевать велемудрые деяния главы администрации и его ленинскую скромность. Рассказывали, что глава администрации требует, чтобы в каждом номере была его фотография и что он сделал для людей.

Вообще-то она ещё в школе писала вполне годные заметки, и их охотно публиковала та самая «Гласность»: про каток, про отдельный сбор мусора, про историю родной улицы, но теперь заметки, наверное, будут лучше – после шести-то лет обучения. Кстати, про историю улиц надо бы продолжить. К тому же вроде намечается районное телевидение. Оно и прежде было, а теперь вроде будет что-то более значительное и современное. Цифровое – не иначе.

Ничего, прорвёмся! Будет всем рассказывать, что утомилась столицей: транспорт, пробки, по три часа в день в дороге, толпа, каменный мешок, дышать нечем, особенно в Центре. В Центре вообще жить невозможно – абсолютно антигуманная среда. Так что Богдан может скучать сколько ему угодно, она не пропадёт. Ей на мгновение захотелось выбросить книжку в красивом бумажном пакете, куда был вставлен ещё и букет. Но не выбросила: во-первых, некуда, а во-вторых, как можно выбросить красивую, ценную книжку? Мало ли, что её подарил Богдан...

При чём тут Богдан, в конце концов? Просто знакомый, да и всё тут. «Неужели между мной и этим офицером-мальчиком существуют и могут существовать какие-нибудь другие отношения, кроме тех, что бывают с каждым знакомым?» – услужливо подсунула память из «Анны Карениной». «Ну разумеется, нет, не было и не может быть никаких отношений!» – твёрдо сказала себе Прасковья.

Да и он никогда ничего и не предлагал. Даже соблазнить не пытался. Разве что на катке однажды как будто поцеловать был готов, да и то раздумал.

Было это ещё зимой, в Измайлове. Богдан, заметив, что Прасковья катается довольно прилично, вовлекал её во всё более рискованные фигуры. Она потеряла равновесие на повороте и едва не шандарахнулась со всего размаха. Он ловко подхватил её, и она не упала. На пару секунд Прасковья оказалась в его объятьях, ощутила сильные руки, увидела близко-близко голубые глаза и чётко очерченные губы. В этом было что-то от старинного романа, она, впрочем, не могла сообразить – какого именно, но определённо в этой сцене было что-то литературное. Может, Куприн «Юнкера»? Там тоже есть сцена на катке. Где ещё есть каток? Ну, в «Анне Карениной», естественно, но там не до поцелуев. А вот на измайловском катке поцелуй почти случился. Их губы были совсем близко, Прасковье вдруг захотелось, чтобы он поце-

ловал её, но вместо этого он в ту же секунду её отпустил, сказав что-то абсолютно нейтральное, вроде: «Не бойся, я тебя поймаю». Она почувствовала себя оскорблённой. А он словно и не заметил ничего и как ни в чём ни бывало продолжал вести партию хорошего друга. Ну что ж, не нужна – так не нужна. Слава Богу, что не влюбилась. Ещё не хватало! И всё-таки внутри была пустота и холод, как летом в подполе. За этот внутренний холод она злилась на себя и старалась презирать Богдана, особенно раздражаясь тем, что презирать его было решительно не за что.

4.

Он позвонил едва она вышла из метро:

– Я так соскучился, – сказал он каким-то не знакомым ей голосом. Не только голос – и смысл непривычный: он никогда не говорил о чувствах. – Ты так быстро убежала...

– Мне тут кое-что сделать ещё надо, – тоном непробиваемой дружбы ответила Прасковья.

– Ты придёшь ко мне? – спросил он тем же странным голосом.

– Ну, конечно, мы встретимся, – Прасковью всё больше удивлял его тон. – Только завтра я занята: у меня встреча насчёт работы.

– А послезавтра я занят, – огорчился Богдан. – Давай в четверг. Приходи ко мне в гости. Придёшь? – спросил он тем самым, незнакомым, голосом. – Я мясо пожарю, – он говорил уже как обычно.

– При...ду, – озадаченно ответила Прасковья. «А за-чем?» – засомневалась тут же. И внутренне махнула рукой: будь что будет.

– Отлично! Сейчас позвоню мяснику, закажу самые сочные стейки, – обрадовался Богдан.

Прасковья не обманула: ей, в самом деле, как будто предложили работу. На радио. Находить людей для спора по ка-

кому-нибудь важному вопросу. Для начала – просто созваниваться с ними, а потом встречать «гостей» и вести их наверх. В этой функции был привкус оскорбительности. Помещалась эта контора на задах промзоны, куда ещё фиг доедешь. Как всё-таки необъятна Москва! Вроде прожила в ней почти шесть лет, а всё удивительно. Даже и не подозревала о существовании этого района. Насчёт денег – как-то уклончиво: очевидно, на съём квартиры не хватит. Но твёрдого «нет» она не ответила – сказала: подумает.

А чего думать? У себя дома хоть житьё бесплатное, и мама всяко супцу плеснёт. А тётя Зина ещё и постирает-погладит. Зина очень любила Прасковью, хотя виду не подавала и обращение имела суровое. Но при этом старалась сделать «добренькое»: постирать руками в шампуне шерстяной свитер и разложить на полу на полотенце, связать варежки под цвет берета, укоротить джинсы. Была Прасковья Зине вроде дочки – за неимением своих детей. Зина и статьи Прасковьины собирала в коробке из-под сапог. Гордилась. Но вслух говорила: во всём должен быть порядок. Коробка, обклеенная остатками обоев брусничного цвета, теми же самыми, что стены, стояла в готовности на комод. Вот возьмёт коробку и отправится наниматься в «Гласность».

Прасковье остро захотелось стряхнуть с себя Москву, МГУ, журфак, все пустые хлопоты и надежды, с этим свя-

занные, и – в родной городок. «А ты мне, улица родная, и в непогоду дорога!». Была в стародавние времена такая советская песня.

Однако через два дня после того, как твёрдо решила возвращаться в свой городок, поехала к Богдану в гости. Она понятия не имела, где он живёт, один или с кем-то – в общем, ничего не знала. За время знакомства они обсудили множество философских, исторических, геополитических, экономических и разных других вопросов, а вот о простом и житейском как-то не говорили. Она, в сущности, ничего о нём не знает. Вернее так: знает, и в подробностях, как он относится к Игнатию Лойоле и почему не любит Блока, которого ценит она. А вот где и как живёт – не знает. Вот теперь и узнает. Богдан дал адрес, она вбила в Яндекс и отправилась. Вообразался солидный сталинский дом, может, даже с аркой до третьего этажа, послевоенной постройки. Такие ей очень нравились. Наверное, в тогдашней архитектуре это была аллюзия на триумфальную арку. Может, у него папа был генерал. Или лучше дедушка – да, пускай будет дедушка-генерал, герой Великой Отечественной войны. Правда, он об этом никогда не говорил, но ей так хотелось думать. Знала только, что отец его был военным и родители его погибли в какой-то авиакатастрофе в горячей точке.

Оказалось иное: древний, довольно облупленный, но

очень крепкий дом в Китай-городе. Даже с улицы видно, какие толстенные стены. Рядом несколько похожих домов, напротив – садик с лавочками. Деревья уже вот-вот распустятся. «Жаль, нет сирени», – подумала мимолётно: она любила сирень, у них было общим счётом пять сортов, а уж сколько кустов – никто и не считал. На одном кусте отец привил целых три сорта. Получилось интересно: один куст, а на нём белые, сиреневые и чернильно-фиолетовые цветы. Здесь такая сирень была бы очень кстати. Прасковья никогда не бывала в этом районе, хотя странно: на первом курсе много бродила по Центру, особенно по переулкам.

Позвонила Богдану. Он тотчас выбежал. Красивый, в чёрной майке с золотой непонятной эмблемой и в резиновых сабо Crocs. Прасковья, верная Рининой мудрости, сразу взглянула на ноги и тотчас поняла: именно Crocs, а не что другое. Не бог весть какая дороговизна, но Прасковья себе не купила для хождения в общежитский душ. Зачем? Если можно в три раза дешевле.

– Пойдём! – Богдан словно слегка задыхался. Отросшие кудри его растрепались, щёки чуть покраснелись и казался он совсем молодым.

Квартира оказалась на первом этаже, вход со двора, притом только в его квартиру. А с улицы – есть и нормальный подъезд, хотя и обшарпанный: там другие квартиры. Получа-

лось, что у Богдана вроде как отдельный домик, даже с собственным малюсеньким двориком.

Квартира поразила Прасковью непохожестью на все до-толе виданные и одновременно сходством с родным домом. Стены – настоящий древний кирпич, вроде как в стейк-хаусе, где отмечали её день рождения. Электропроводка – по-верху, как у них в доме. Полы – деревянные доски, тоже как у них. Только у них крашенные в коричневый цвет, а у Богдана – некрашеное дерево. Печка. Но не белёная, как у них, а покрытая белым кафелем.

– Действующая? – спросила Прасковья.

– Конечно, – кивнул Богдан.

При этом кухня по нынешней моде совмещена с гостиной. Гостиная, впрочем, совсем небольшая. А может, так кажется из-за тёмных кирпичных стен. В качестве журнального столика – две паллеты, поставленные одна на другую и окрашенные в белый цвет.

– Сам красил? – спросила Прасковья.

– Это мой приятель притащил и окрасил, – улыбнулся Богдан. – Надоедят – пойдут на дрова. Ты располагайся, руки помыть – там, а я пойду жарить стейки: это быстро, минут десять.

Прасковья села на диван, не обнаружила на паллетах ничего достопримечательного и пошла побродить по квартире.

Кстати, и руки помыть. Туалет с узким окном и старым, рассохшимся шкафом. А ванны нет – только душевая кабина, как у неё в родительском доме, впрочем, кабина очень просторная. Сливной бачок наверху, для слива надо дёргать цепочку. Очень чисто. Интересно, у него всегда так чисто или ради визита дамы?

Квартира не велика, но впечатляет ухоженностью и приятной пустоватостью: ни одной лишней вещи. Ничего похожего на холостяцкое логово. На стене гостиной две репродукции Кустодиева – Масленица и что-то из провинциального быта. Очень похоже на её родной городок. Поскребла картину ногтем: настоящая живописная копия. Если на заказ, дорого, наверное. Забрела в спальню. Там – широкий матрас на ножках, накрытый клетчатым жёлто-рыже-коричневым пледом, за ним на полу тоже картина, повёрнутая лицом к стенке. А выше картины – небольшое окно, выходящее во двор, который не успела разглядеть, когда шли. Выглянула. Двор замкнутый, с маленькой клумбой, обрамлённой кирпичами, поставленными углом вверх. На клумбочке крокусы и готовые цветы тюльпаны. Оконная рама не пластмассовая, а деревянная, старинная, с форточкой. При этом не развалина, а вполне хорошая и опрятная, окрашенная ярко-белой масляной краской. Кусок комнаты отгорожен тёмно-серой клеёночатою занавеской со стильными дырками, обрамлёнными золотистым металлом. Сквозь дырки пропущена штанга, на

которой и висит занавеска. Вероятно, это и есть та самая гардеробная, без которой Рина, по её словам, просто не представляет себе жизни. А на самом деле, обыкновенный чулан. Быстренько убралась из спальни: неудобно всё-таки лезть к чужому человеку в опочивальню без приглашения.

Рядом ещё дверь, ведущая неизвестно куда. Прасковья заглянула: то ли сарай, то ли чулан огромного размера с двумя невымытыми окнами. Похоже, место это никто никогда не ремонтировал.

Рядом со спальней – кабинетик: скорее всего, когда-то это была единая комната в два окна, впоследствии разгороженная. Перегородка оклеена зелёными обоями в мелкий цветочек. Прасковья села в необычайно удобное крутящееся рабочее кресло. Кожаное и наверняка очень дорогое. Кожа – рыжая и словно слегка мятая. Пожалуй, самая породистая вещь во всей квартире. Интересно, что сказала бы Рина? Стол, похоже, старинный, а попросту говоря – очень старый, довольно обшарпанный, кое-где поцарапанный. Рядом стеллаж с книгами, забавный, самодельный: стойки из старой, местами ржавой водопроводной трубы и доски-полки. Стеллаж был заполнен разномастными книгами и уходил вверх, а полки тут высокие. Удивительно, но у них дома почти такой же стеллаж. Сделал отец в незапамятные времена. Прасковья стала рассматривать книги. Мама говорит, что человека луч-

ше всего характеризует его библиотека. Или её отсутствие, как ныне всё чаще случается.

Потом за книги принялася.

Сперва ей было не до них,

Но показался выбор их

Ей странен. Чтенью предалася

Прасковья жадною душой;

И ей открылся мир иной, – иронически продекламировала она самой себе.

Однако нет, мир иной не открылся, хотя выбор, конечно, очень странный: книжки были на самых разных языках, иные даже на арабской вязи, которые надо листать наоборот, с конца. А по-русски – статистические справочники, что-то по программированию. Ещё по программированию – уже на английском. Из знакомых – дореволюционное издание Ле Бона «Психология масс», Токвиль по-французски; она не сразу сообразила, что Tocqueville – это и есть Токвиль, автор читанной когда-то «Демократии в Америке». Но тут был «Старый режим и революция»; этого она не читала, хотя, конечно, слышала. Потом словари Даля и Ушакова в четырёх томах, да ещё дореволюционное собрание сочинений

Карамзина с ятями и твёрдыми знаками. Остальное – незнакомое. Что-то знакомое, может быть, было ещё – выше, но не на кресло же становиться, а ни табуретки, ни лестницы не было. «Лорда Байрона портрет» тоже отсутствовал. Вместо него висела фотография мужчины в стиле 30-х годов, в круглых, по тогдашней моде, очках. Из лордов присутствовал лорд Кёрзон, вице-король Индии – в виде биографической книги на английском.

За окном нарисовался абсолютно чёрный, крупный и очень пушистый котяра. Прасковья открыла окно, и кот не торопясь, изящным кошачьим движением ступил на подоконник и улёгся на нём, обогнув себя хвостом.

Из кухни меж тем уже доносился неповторимый дух жареного мяса, от которого текли слюнки. В дверях возник Богдан:

– Кушать подано!

Кот без суеты соскочил с подоконника и пошёл вслед за хозяином. Запрыгнул на паллеты, улёгся.

– Это мой кот Насилий, – представил Богдан.

– Насилий? Какое двусмысленное имя! – засмеялась Прасковья.

– Совершенно не двусмысленное – вполне односмысленное. – Раньше его звали Василием, Васькой. Он ко мне сам пришёл, ну я и назвал его Васькой. Мы с ним подружились.

И вот однажды неурочный звонок в дверь, открываю –

разгневанная соседка. Заявляет, что мой Василий изнасиловал, именно так: изнасиловал, её породистую кошечку и теперь она принесёт беспородных котят. Я всячески извинялся и каялся за дурное воспитание кота, на следующий день в качестве алиментов купил целый ящик корма «Феликс». Однако скандал в благородном семействе закончился неожиданно счастливо: котята-бастарды оказались такими красавцами, что моя Наталья Владимировна распродала их в качестве породистых – какой-то новой породы. Именно не раздавала, а продала. Мне предлагала задаром одного: якобы мне, как владельцу кота, полагается один из приплода. Оказывается, есть такое правило среди кошатников.

– Что ж ты не взял?

– Подумал, что мне ещё рано становиться старой девой с кучей котов. А Василий после этого инцидента был переименован в Насилия, это Наталья Владимировна придумала. Когда я уезжаю, она Насилия кормит. Во всём прочем он на вольном выгуле: поел – и во двор. Обычно на всю ночь уходит. Недавно принёс мне крысу: у нас хорошие, товарищеские отношения.

Прасковья взяла Насилия на руки. Он был радикально чёрен всеми частями тела без изъятья, включая нос и ладошки. Нос был покрыт нежной-нежной и короткой-короткой шелковистой шёрсткой, очень приятной на ощупь.

5.

Стейки с жареной картошкой и салатом из свежей редьки

с морковью были выше всяческих похвал. Даже лучше, чем в стейк-хаусе. Стол – без скатерти, из двух толстых старых досок на железных, грубо сваренных опорах. Посуда обычная, белая, опалового стекла, такая в «Магните» продаётся. И при этом – идеально чистые и глаженные льняные салфетки, как в ресторане. Прасковья любила лён, где-то читала, что цветок льна мистически связан с её именем. Но даже когда этого не знала – лён всё равно любила. Что может быть лучше прохладной льняной простыни!

– Слушай, сколько языков ты знаешь? – полюбопытствовала опасно.

– Да в общем, несколько, в разной степени, – скромно ответил Богдан.

– Ну, сколько? – настаивала Прасковья.

Он пошевелил пальцами, считая:

– Пожалуй, семь.

– С ума сойти! – изумилась она. – Знание языков выше общепринятого минимума по английскому было для неё недостижимостью №2 после похудения. Великие люди сорок второго размера, знающие три языка – вот идеал. За то и другое их всюду берут, и они делают головокружительную карьеру. Но чтобы семь...

– И арабский знаешь?

– Знаю, и довольно прилично, – кивнул Богдан. – Да ты ешь, ешь. Или не нравится?

– Очень нравится, – ответила Прасковья с набитым

ртом. – А правда, что арабский трудный, какой-то уму не постижимый? – спросила, прожевав.

– Вовсе нет, – рассмеялся Богдан. – Грамматика очень логичная. А слова – ну, слова учить надо. Неприятность в том, что он очень разный в разных странах, но привыкнуть можно. Зато это открывает доступ к большой культуре и помогает в дальнейшем в изучении и персидского, и дари, и пушту, и урду: там множество арабских слов.

– Тебе нравится Кустодиев? – спросила, чтоб переменить тему. А то вдруг спросит, какие языки знает она. А она, по правде сказать, кроме минимальной способности объясниться по-английски, ничего не знает. Впрочем, преподаёт она английский двоечникам очень успешно, но это совсем не связано с реальным знанием языка. Лучше уж о Кустодиеве.

– Да, – закивал он. – Кустодиев очень нравится. Можно сказать, мой любимый художник.

– Мне тоже нравится, – согласилась Прасковья. – У нас дома есть здоровенный альбом Кустодиева: выпускники маме подарили. Очень похоже на мою родину. У нас там сохранился кремль. И это не просто памятник – он живой, там люди живут. И я живу в самом центре, почти в кремле. А сзади у нас река. Может, съездим когда-нибудь.

– Конечно! – обрадовался Богдан.

– Вот зацветёт сирень... – неопределённо пообещала Прасковья.

Потом Богдан быстро и изумительно опрятно убрал со

стола и расставил белые кружки на паллете – журнальном столике. Чай был прекрасен, хотя это был именно чай и больше ничего, безо всяких отдушек. Рыжий и ароматный. И свежайшая белёвская пастила.

– Нравится? – спросил Богдан. – Этот чай мне подарил мой друг сингалец, прямиком со Шри-Ланки. Я люблю хороший чай.

– Сингалец – это кто? – удивилась Прасковья.

– Цейлонец по-старому. А язык их называется сингальским. А остров – Шри-Ланка.

– Шри-Ланку знаю. А что он тут делал?

– Учился. Затем уехал к себе и потом вернулся. С мешком чая. Хочешь тебе отсыплю, будешь заваривать в общаге. – Богдан уже вытащил из шкафа целую наволочку чая. Узоры на ткани были красивые и затейливые, наподобие мандал, которые иногда раскрашивает тётя Зина; говорит, помогает от нервов. Хотя с чего, казалось бы, нервничать пенсионерке?

– Нет, не надо, у нас всё вкусное мигом растаскивают. Ты не жил в общаге, не знаешь тамошних нравов.

– Ну, не совсем не жил... – возразил Богдан, но тему эту не продолжил.

За чаем Прасковья рассказала о своих хождениях за работой.

– И всё – пустые хлопоты, – заключила она, попирая Ринину базовую мудрость: никогда не говорить плохого о себе,

а всегда представлять себя успешницей и победительницей. Но Богдану хотелось сказать правду, и она сказала:

– Никому мы ни на фиг не нужны.

– Не говори так, – серьёзно произнёс Богдан и впервые за всё время знакомства взял её за руку. – Ты мне нужна. Очень нужна. Ты даже не представляешь, как нужна. Выйдешь за меня замуж? – Он стиснул её руку. – Я тебя очень, очень люблю и всё, что смогу – сделаю, чтобы тебе было хорошо. – Он глядел на неё испуганно и умоляюще, что совсем на выдалось с его всегда уверенно-весёлой манерой.

Прасковья застыла. Она была ошеломлена. Она ожидала чего угодно, но не формального предложения руки и сердца в стиле старинного романа.

Как ни ничтожен был её собственный любовный опыт, она была твёрдо убеждена, что ТАК не делают. Нигде не делают – ни в фильмах, ни в жизни. Особенно красавцы. Да и не красавцы тоже не делают. Не бывает ТАК. Как бывает? Ну, как-то по-другому. Сначала люди долго живут вместе, строят отношения, как нынче принято выражаться, иногда у них даже рождается ребёнок и только потом... А так вот с бухты-баракты... Но если Богдан всерьёз, то это, чёрт побери, решает многие проблемы. Выйти замуж за достойного парня, поселиться в этой красно-кирпичной квартирке – это ж замечательно, лучше не бывает! Об этом она и мечтать не смела. Он ей, безусловно, нравится, приятен и симпатичен,

он хороший друг, а насчёт любви... Вон ей уж двадцать три, а никакой любви ни разу не случилось; может, её и на свете-то нет. «Сочинил же какой-то бездельник, что бывает любовь на земле». А что красавец – не виноват же он в этом!

Упустить такой случай – глупее не придумаешь. Она решительно пересела с кресла к Богдану на диван и обняла за шею. Шея была крепкая и губы тоже крепкие и чётко обрисованные, а щека приятно шершавая. Они долго и нежно целовались, но ни на что большее Богдан не притязал.

– Так значит, выйдешь за меня? – он целовал её руки. – Какие красивые ручки. – Ручки у неё белые и мясистые, как у кустодиевской купчихи. В принципе недурные, но ей всегда казалось – несовременные. Но тут впервые подумала: «А ведь и впрямь красивые!».

– Надо украсить, – поцеловал Богдан запястье с внутренней стороны. Сходил в кабинет, принёс и надел ей на руку золотой браслет, очень странный и красивый, тонкой работы. На браслете вились змеи, зыбились пирамиды, растения сплетались в непонятные надписи. Его хотелось рассматривать.

– Что это? – удивилась Прасковья. – Это что-то значит?

– Значит, что я тебя люблю, – отвечал Богдан целуя её лицо, руки, шею. – А браслет – магический. Есть мнение, что он – оберег. Способствует возвышению женщины, которая его носит, и одновременно оберегает её ото всех превратно-

стей судьбы; только носить надо, не снимая. Он издавна хранился в нашей семье, переходил по женской линии, но поскольку сестры у меня нет, достался мне, и я решил отдать его той, которую люблю.

– Он арабский? – догадалась Прасковья.

– Восточный, – подтвердил Богдан.

Затем Богдан пристроился на ковре возле её ног, положил голову ей на колени. Она перебирала его роскошные кудри, на которых не тает снег; он целовал её руки в кустодиевском вкусе, прижимался к ним лицом. В таком идиллическом виде они просмотрели вечерние новости по старому-старому телевизору, который Богдан толком не помнил, как включить. Прасковью это удивило, и он пояснил:

– Этот аппарат мне принесла та самая моя приятельница Наталья Владимировна, кошатница. Я вовсе не интеллигент, презирающий телевизор, я смотрю главные новости и ещё кое-что, но по привычке на ноутбуке. Вышло так, что я чинил-чинил старушкин древний компьютер, и мне это надоело, ну я и подарил ей свой старый, но в высшей степени рабочий ноутбук. Я часто их меняю: это единственные boys' toys, которые мне нравятся. Ну а Наталья Владимировна, заметив, что у меня нет телевизора, притащила мне свой. А себе купила панель устрашающих габаритов. Я таким представляю оруэлловский «телекран».

– А как же автомобили и часы – в смысле boys' toys? – спросила Прасковья, вспомнив Ринины статьи о нравах со-

временных мужчин и гламурной жизни.

– Это – нет! – тряхнул кудрями Богдан. – Совершенно не цепляет. Разве что военные автомобили – не стилизация, естественно, а настоящие. Некоторые из них – живые. Они, как верный конь, могут иногда спасти своего хозяина. Вообще, военная техника завораживает. Вот это подлинно boys' toys.

– Но они же для убийства! – поёжилась Прасковья.

– Это верно, – согласился Богдан. – Но убийство, к сожалению, неотъемлемая часть этого мира.

– Это ещё почему?

– Ну как... Идёт непрерывная мировая борьба – за территории, за ресурсы, просто за некое иррациональное преобладание, цивилизационное доминирование, и очень часто она выливается в горячую форму. Вообще, идеально, чтобы население противника само себя уничтожало – без лишнего грохота и радиоактивного заражения местности. Над этим работают. Но мне кажется, что всё-таки без классической горячей фазы не обойтись. Ялтинский мир кончился, идёт активный передел территорий и сфер влияния – и просто так его не осуществить. Пытаются, но я не вижу, как.

Сейчас пытаются как-то обойтись без горячей фазы, обработать население, заморочить, в общем, сделать так, чтобы гарнизон крепости сам открыл ворота и впустил захватчиков как дорогих гостей. Иногда это удаётся. Именно так у нас и случилось в Перестройку. В столицу вошли враги, и

все их приветствовали. Забавно, что моя любимая кошатница до сих пор верит, что американцы нас спасли своей гуманитарной помощью от неминуемой гибели. Она сама помнит, как однажды получила мешочек риса и, кажется, мороженные куриные ноги. А что благодетели вывезли на миллиарды долларов – это так, пустяк. Она не то, что не верит, а как-то не воспринимает.

– Ты с ней споришь? – спросила Прасковья.

– Ни в коем случае, – улыбнулся Богдан. – Невозможно спорить с человеком, уверенным, что земля плоская и стоит на трёх слонах. И потом – зачем? Обычно мы говорим о котках и компьютерах. Вернее, об её компьютере, который начинает барахлить, когда она к нему лишь только приближается. Я его починяю, к этому она относится с суеверным почтением, а я наладился играть роль туповатого и ограниченного технаря. А она – мыслящая интеллигентка, очень информированная, следящая за повесткой, отвергающая российскую пропаганду. Ну и Бог с ней, главное – она добрая, домашней еды мне приносит, жалеет, что я сирота, это даже трогательно.

– А со мной какую ты роль играешь? – с лёгкой насмешкой спросила Прасковья.

– С тобой, – он поцеловал её кустодиевскую руку, – я с максимальным приближением играю роль самого себя. Меня иногда это даже пугает: ни с кем другим такого приближения никогда не было.

– А скажи мне, туповатый технарь, ты считаешь, что будет война? – Прасковья даже поёжилась от собственных слов.

– Война идёт, – проговорил Богдан, как об очевидном. – Вопрос, как всё это будет развиваться дальше и как выглядеть. Войны ведь очень многообразны. Ты наверняка читаешь англоязычные СМИ (Прасковья не согласилась и не опровергла: англоязычную прессу читала только для занятий по английскому). Значит, ты не могла не заметить, что слово war они используют очень широко: каких у них только войн нет – вплоть до тресковых – cod war. А есть выражение military war – по-русски и не скажешь. Военная война? Так они обозначают горячую фазу борьбы. Что-то мне подсказывает, что без military war не обойтись. И очень скоро, в пределах года. Ужасно не хочется, – он поцеловал её руку, – но вполне вероятно. Впрочем, и для борьбы за мир надо быть хорошо вооружёнными. Прямо-таки до зубов. Кстати, я не вижу борьбы за мир. Говорят, сорок-пятьдесят лет назад это было большое движение. А сейчас – ничего. Это плохой знак. Впрочем, как я понимаю, финансировалось это самое движение сторонников мира во всех странах Советским Союзом, а теперь не финансируется.

6.

–Что же будет с нами? – проговорила Прасковья задумчиво.

– С нами? Бог весть... Единственное, что могу твёрдо обещать – что буду любить тебя до самого конца, до послед-

ней секунды. Я понимаю, звучит несовременно, по нынешним временам даже глупо. Наверное, так говорят профессиональные обольстители и брачные аферисты, – он улыбнулся, показав свои сплошные белые зубы. – Но это так: до последней секунды, – закончил он серьёзно. – И дальше, наверное, тоже...

– Откуда ты знаешь? – Прасковья взъерошила его кудри.

– Ниоткуда. Это априорное знание. Может, из прошлой жизни. Я любил тебя всегда; наверное, во всех прошлых жизнях, а потом просто встретил, нашёл. И сразу понял, что ты – это ты.

– Когда понял? – удивилась Прасковья.

– Сразу понял. Ну, пока мы с тобой дошли от твоего факультета до метро – точно понял.

– А почему никогда ничего не сказал, ничем не обнаружил? – изумилась она.

– Не знаю... Ужасно боялся, что сделаю или скажу что-то не то – и всё обвалится, ты уйдёшь. И ничего не будет. Как тогда жить? А так – я был счастлив, что вижу тебя, что говорю с тобой, что мы проводим время вместе. Когда ты убежала от меня в метро, мне показалось, что всё кончилось, что я совсем не нужен тебе, что надоел... Я стоял на площадке перед входом в метро и не знал, что делать. Поверь, я редко не знаю, что делать. Обычно знаю, я очень мало Гамлет. Потом зачем-то дошёл до Метрополя и стал звонить тебе. Было ощущение, что, если не ответишь – я умру.

– А мне показалось, что это я тебе надоела, – улыбнулась Прасковья.

– Спасибо, конечно, но ... я же понимаю, что это невозможно, – он потёрся лбом об её ладонь.

– Нет, правда, – настаивала Прасковья. – А как тебе удалось ни разу не обнаружить за четыре месяца, что я тебе чем-то интересна, нравлюсь?

– Не знаю... Видишь ли, я получил довольно строгое воспитание. Центральным пунктом в нём было самообладание, умение держать себя в руках. Помню, отец не раз говорил мне: тебе холодно, больно, грустно, страшно, обидно – ты не должен этого показывать. Веди себя ровно и приветливо – вот всё, что от тебя требуется.

– Молчи, скрывайся и тай / И чувства, и мечты свои, -
Задумчиво проговорила Прасковья. – Может быть, это и верно, но сегодня, ты знаешь, считается, что надо чувства, наоборот, обнаруживать. Даже плакать, орать и т.п.

– Да, я слышал. Но в этом мне всегда виделось что-то одновременно бабье и подзаборное – свойственное низшим классам. Фильмы, ток-шоу, где все орут – всё это формирует разнузданность. Мне это, признаться, противно.

– Знаешь, у меня было что-то похожее, – она накрутила его кудрявую прядь на палец. – Ты мне нравился, даже очень, но казалось: раз ты не делаешь первого шага – ну, значит, и я не могу. Я же девушка. А девушка должна быть скромной – этому меня учила бабушка. Ну а раз так – значит, не надо,

значит, ничего не возможно, значит, ничего этого нет. Примерно так было.

Они ещё долго сидели на диване и целовались, потом ещё раз пили чай – на этот раз с простенькими конфетами «Коровка», которые ей нравились с детства, и ей это показалось добрым знаком. Он рассказывал ей что-то о Пакистане, рассказывал, как всегда, интересно, но она почти не понимала. Ей было тепло и уютно, а дом Богдана настолько слился с её родным, таким похожим, домом, что она толком не понимала, где находится.

А дальше произошло уж совсем невообразимое, неприличное, шокирующее и идущее вразрез со всеми нормами и принципами современного этикета: Богдан, вместо того, чтоб оставить её ночевать, галантно подал ей жакет, они в каком-то забытии вышли на улицу и направились по обычаю к метро – на этот раз к Лубянке. Было довольно поздно, но народу было много, публика гуляла, радуясь первым тёплым дням.

– Парасенька, давай прямо завтра ходим в ЗАГС, подадим заявление, ладно? Мне очень-очень хочется, чтобы мы поженились. Заявление, кажется, можно подать онлайн, но давай сделаем это лично, это будет лишний повод встретиться. – Она прижалась к его руке.

– Мне ещё надо тебе нечто важное рассказать о себе, но

сейчас, прости, не могу, слишком много впечатлений. Люби меня хоть чуть-чуть, и я буду безмерно благодарен тебе всю жизнь, – он обнял её за плечи. И вдруг:

– Простишь ли ты меня?

– За что? – изумилась она. – Ты что – хочешь признаться, что был женат и у тебя трое детей?

Он рассмеялся и поцеловал её в макушку.

– Нет, эту сторону жизни я пока не освоил. Надеюсь, освоим её вместе. Но видишь ли... – он снова стал серьёзен. – Мы ещё поговорим, но моё положение ненадёжно, вся жизнь ненадёжна. Ты могла бы, ну, как говорили в старину, сделать лучшую партию. Ты же такая красивая, умная, необыкновенная – ты одна такая на свете. Ты – настоящая. По сравнению с тобой все остальные – компьютерная анимация. Они – цифровые, а ты, может быть, последняя – настоящая. Ты себя недооцениваешь и не понимаешь до конца. А я вижу, потому что люблю тебя.

Прасковья находилась в не проходящем изумлении, похожем на оцепенение. «Может, и правда, что-то такое во мне есть... – удивлялась она. – А что такое он должен рассказать о себе? Да ну, пустяки какие-нибудь! Что он работает в спецслужбах? Эко дело!» – лениво подумала она. У метро остановились.

– Может, проводить тебя до твоей общаги? Поздно уже, – проговорил он.

– Нет, ты правильно сказал: слишком много впечатле-

ний, – она прижалась головой к его груди. – Иди домой, мне хочется побыть одной.

– До завтра, любимая. Мне, по правде сказать, тоже хочется побыть одному.

Они поцеловались лёгким касанием в щёку. И она, как обычно, уехала в родную общагу.

Назавтра они договорились идти подавать заявку в Грибоедовский дворец бракосочетания. Этот, как теперь принято говорить – культовый, ЗАГС, оказался самым близким, доступным, можно сказать, районным. Определённо произошёл какой-то сбой программы. Может, и с работой так получится? Может, и не нужно будет добиваться и пробиваться, а оно придёт само? Было тревожно и непонятно. Чтоб не сглазить, она не сказала соседкам по комнате, что выходит замуж. Браслет зачем-то сняла и спрятала в потайное место, а потом, вспомнив, что его надо носить постоянно, снова надела и в нём легла спать. «Она надела белое платье, скрыла под кружевами подаренный им браслет» – вспомнила Прасковья, засыпая. Гончаров «Обломов».

Им назначили день бракосочетания – 1 июля, четверг. Самый дефицитный день – пятница или суббота, а им – всё равно, четверг так четверг. Когда вышли из дворца бракосочетания, на Прасковью снизошло сонное утомление, наверное, понизилось давление, которое у неё и так было низким; подобная сонливость у неё иногда бывает перед дождём. Но

тут дождя вроде не ожидалось. Ей показалось, что и с Богданом было что-то вроде этого. Зашли выпить кофе, чтобы взбодриться.

– Ну что, честным пирком да за свадебку? – улыбнулся Богдан, когда уселись за столик.

– Чего? – не поняла Прасковья.

Богдан рассмеялся:

– Как будем всё это организовывать?

– Мне всё равно, – честно ответила она. Ей, в самом деле, было всё равно. Главное – они женятся, а как – какая разница? Богдан поцеловал её руку:

– Ты будешь смеяться, но и мне всё равно. Может, обвенчаемся? Мне бы хотелось, если ты не против.

– А ты православный? – спросила Прасковья из глубины своей сонливости.

– Да, – ответил он. – Писание знаю прилично. В детстве ходил в православную школу.

– Как Том Сойер? – улыбнулась она.

– Не совсем. Том Сойер ходил в воскресную школу, а моя была общеобразовательная при монастыре. Словом, к венчанию морально готов.

– Я даже не знаю... – засомневалась Прасковья. – Я вроде верую, но в церковь практически не хожу. А потом... там, наверное, нужно обязательно в белом платье с фатой, а я не хочу.

– Почему?

– Ну, видишь ли... Белое, да ещё длинное – полнит.

Богдан расхохотался:

– Ессе femina!² Главное – чтоб не полнило. – Он встал и поцеловал её в голову. – Я не знаю, какие там в церкви порядки, но мне кажется, можно в любом платье. Чисто логически рассуждая: крестьянки же венчались в народной праздничной одежде. Белое платье с фатой – это, как я понимаю, нечто европейское. Словом, как скажешь – так и делаем. Мне достаточно регистрации в ЗАГСе, но плюс венчание – как-то надёжнее что ли, – он улыбнулся извиняющейся улыбкой. – Пусть нас Бог соединит. Я в Него верую, так что никакого лицемерия и даже пустой формалистики тут нет.

Прасковья не имела по этому поводу никакого мнения. Её всегда слегка раздражали современные богомольцы: нацепят платочек и айда куличи святить. Их соседка – такая богомоллица. А сама двух мужей со свету сжила и за зятя принялась. Рина, между прочим, тоже аттестует себя очень верующей, а сама, кажется, не то, что Библию – Евангелие-то не открывала. А уж на её рассказы о личной жизни покраснела б вавилонская блудница. Но это у неё проходит по разным ведомствам – вера и интенсивная личная жизнь. Впрочем, нельзя исключать, что Рина не один раз наврала на себя в целях селф-промоушена. С неё станется. Сегодня ведь не важно, плохое о тебе говорят или хорошее: главное, чтоб говорили.

² Вот женщина! (*лат.*)

Да и непонятно, что теперь плохое, а что хорошее.

Решили так: в четверг они расписываются, потом обедают со свидетелями в том самом стейк-хаусе – и всё. Многочисленных друзей, как выяснилось, ни у неё, ни у него нет, так зачем тратиться понапрасну? Прасковье очень не хотелось вводить его в траты; Ринина центральная, базовая мудрость, что мужик должен на тебя тратить, тратить и тратить, ей не нравилась. Лучше всего было б зарабатывать на равных, но – увы. Пока. Но она будет стараться.

На следующий день после регистрации они с утра поедут к родным Прасковьи – там, в доме и в саду, развернётся основная гулянка. Отец сколотит стол, молодой муж будет жарить мясо, Зина выставит домашнюю выпечку и «консервацию», в которой она большая мастерица... Только бы не было дождя. Придут школьные подруги, учителя из родительской школы, соседка – та самая, благочестивая – Алевтина Петровна. А кстати. Если будет дождь, можно переместиться к Алевтине под навес. У них там колоссальный навес, вполне человек двадцать поместятся. Устроил его покойный муж, мелкий, бессловесный мужичонка, впрочем, рукастый, как почти все, кто родился и жил в частном секторе. Алевтина всё пилила-пилила своего мужика по поводу навеса, и в конце концов он его соорудил и вскоре помер. Может, таково было его призвание на Земле – сделать навес? А навес ока-

зался довольно бесполезным – только место занимает. Теперь Алевтина выносит мозг зятю, чтобы переделал навес в сарай. А зачем ей сарай, когда один уже есть? В 90-е годы, когда у них были козы – тогда понятно, а теперь-то зачем? Зато навес может пригодиться для Прасковьиной свадьбы.

Так решила Прасковья, решила за родителей, которые о её свадьбе – ни сном, ни духом.

– Я так полагаю, надо съездить к твоим родителям, ты меня должна представить. Надо получить благословение – верно? Давай сделаем это поскорее, похоже, мне предстоит внеплановая командировка, – настаивал Богдан.

7.

– А вот и родители! – Прасковья ткнула в экран телефона. – Привет мамочка! Конечно, очень хорошо, встретимся, разумеется. В Царицыне – так в Царицыне.

Прикрыв трубку, сказала Богдану:

– Они в субботу будут в Москве с учениками, в Царицыне.

– Так давайте встретимся, – обрадовался Богдан.

– Мамочка! – выговорила Прасковья натянуто-залихватским тоном. – У меня новость. Не бойся – хорошая. Я выхожу замуж. Первого июля в Грибоедовском дворце бракосочетания. Сегодня мы подали заявку. Жених? Вот он, рядом со мной. В общем, доживём до послезавтра – и все увидимся. Мы приедем в Царицыно или вы с папой к Богдану. Это в Центре. Ученики? Ну что они – без вас не доедут до дома что ли?

Мама была недовольна.

– Ну что ж, поздравляю, дочка. Как-то это всё неожиданно.

– Мамочка, мы сами не ожидали, но это факт.

– Что значит «не ожидали»? – насторожилась мама.

– Вот это самое и значит – никакого подтекста, – успокоила Прасковья.

В результате некоторого препирательства было решено,

что родители приедут на обед к Богдану на его знаменитые стейки. А ученики будут своим порядком обозревать достопримечательности Царицына. Тем более, что с ними будут ещё двое учителей и две родительницы. «Родительница» – школьное словцо, обозначающее любых взрослых женщин из семей учеников: мама, бабушка, тётя, старшая сестра. Прасковья уже почти забыла этот школьный термин, а теперь вот вспомнила вновь.

А потом Богдан подвезёт Прасковьиных родителей до электрички, они воссоединятся с учениками и поедут в свой родной городок.

Через полчаса оказалось, что Богдан уезжает послезавтра, т.е. вечером того же дня, когда состоится знакомство с родителями. Едет сначала в Питер, а потом куда-то дальше. Прасковья не спрашивала, куда: захочет – сам расскажет. Когда возвратится – непонятно, но до свадьбы почти два месяца.

Угощение родителей стейками прошло на первый взгляд благополучно. Всё понравилось: и стейки, и кот, и квартира, и район, и даже соседка-кошатница, которая заглянула мучимая любопытством и принесла корзиночку печений собственного изготовления в качестве предложения. Меньше всех, как показалось Прасковье, понравился сам жених, хотя он старался, даже подстригся, чтобы не выглядеть чересчур бо-

гемно. А может, ему это требовалось для командировки.

Прасковья в беседе участия почти не принимала. Она сидела в плетёном кресле из ротанга возле печки и неотрывно глядела на своего жениха. Он что-то говорил, раскладывал стейки по тарелкам, белозубо улыбался, изящно жестикулировал, а она почти не слушала, а только смотрела и смотрела, словно немое кино, и внутри неё затекала одновременно волнующая и успокоительная теплота. Вот говорят: сердцу не прикажешь. Наверное, приказать и впрямь нельзя, но разрешить ему любить того, кого хочется любить, – очень даже можно. Прасковья прежде не разрешала, а теперь – разрешила, и ей было хорошо. «Зачем они говорят чепуху, что-то о его родителях, кажется? Какое это имеет значение?».

Мама меж тем расспрашивала Богдана о его жизни и работе с таким пристрастием, будто это было собеседование при приёме на ответственную и высокооплачиваемую должность. Богдан собеседование прошёл с честью. Доложил, что отец его был военным дипломатом, что сам он по большей части воспитывался за границей, учился и там, и тут. Рассказал, что сирота: десять лет назад в зоне боевых действий вертолёт, где летели родители, был сбит шальной ракетой. Сам он по образованию военный переводчик, а занят сейчас прикладными исследованиями в области речевого воздействия и психолингвистики.

– Это что ж – та самая гибридная война? Пси-оружие? – заинтересовался будущий тесть.

– Да, в сущности, да! – Богдан удивлённо обрадовался пониманию, видимо, не ожидая его от учителя труда.

– Интересная у тебя библиотека, – похвалила мама. – Читать-то успеваешь?

– Ну, не столько, сколько бы хотелось... но в общем, кое-что успеваю, – ответил он.

– А чей это у тебя портрет?

Прасковья заинтересовалась: сама хотела спросить, но за-была.

– Это малоизвестный немецкий философ 20-30-х годов прошлого века. Его фамилия Шубарт. Вальтер Шубарт. Судьба его была незавидна, но кое-что он понял, мне это помогло. – Заметив удивлённый взгляд тёщи, поправился: – Ну не то, чтоб помогло, но было интересно. Он писал о психологии русских и западноевропейцев.

– Покажи мне книжки поподробнее, – сказала она и увела Богдана. – О чём-то они разговаривали; Прасковье было всё равно.

Богдан предложил подвезти родителей до электрички, но они предпочли, чтобы Прасковья проводила их до метро. А Богдану – было сказано – надо собираться. Его ждёт полужночный поезд на Петербург.

Родители простились с будущим зятем во дворе. Отец

долго жал ему руку, желал успеха в поездке и вообще всячески выражал симпатию. Будущая тёща была сдержана до суровости. Почему? Прасковье было скучно об этом думать. Поцеловала Богдана в щёку:

– Я сейчас, ты пока собирайся.

Едва отошли, отец, словно торопясь сказать то, что хотел, произнёс:

– Проська, тебе повезло: отличный парень. Твёрдая пятёрка.

– Паша, не приходи раньше времени в восторг, – окоротила его жена. – Может, он и отличный, но мы о нём очень мало знаем, потом это человек не нашего круга, другого воспитания, других привычек. И кстати, не такой он белый и пушистый, как старается казаться.

– Надюша, главное, чтоб ребятам было хорошо вместе, – настаивал отец.

– Это, Паша, совершенно другое воспитание, – говорила мама, словно Прасковьи тут не было. А её по сути и не было. С ней происходило вот что: она переставала быть членом родительской семьи и душа её перемещалась туда, где её муж, который мужем ещё не был, но которого она уже начинала ощущать более важным, чем родители. Что там думает мама, какое у кого воспитание – ей было совершенно безразлично, это её не затрагивало, скользило по поверхности.

– Мамочка, – всё же сказала она, – какая разница: такое

воспитание, другое воспитание... – Она не договорила, потому что было скучно и не имело значения.

– Надя! – вмешался отец. – Видно, что они дружат, что им хорошо вместе, ну и ладно. А с привычками – разберутся. Есть где жить, есть работа – что ещё требуется?

– Паша, это человек другого круга. Знаешь, что он мне заявил?

– Наверное, сказал: «Тёщенька, Вы – старая ведьма!», – пошутил отец.

– Примерно. Я ему сказала, что Прося по хозяйству не сильна, руки у неё не оттуда растут. Так что если тебе нужна домработница, то это не к ней. И знаешь, что он ответил? Он мило улыбнулся, как это он умеет, и заявляет: «Это не требуется. Одна домработница у меня уже есть. Весьма бес-толковая. Вторую я просто не выдержу». Я спросила, в чём её бестолковость. И знаешь, что он ответил? Она-де не знает, как правильно складываются мужские рубашки, – проговорила мама с возмущённым пафосом. – И он-де её учит, а она всякий раз забывает. Вот я жизнь прожила и не знаю, как именно они складываются. Прося! У него что – есть домработница?

– Да, мама, приходит какая-то тётка два, кажется, или три раза в неделю. Я не знаю, называется ли это домработница или ещё как-то.

– А это вообще барство, – не могла уgomониться будущая тёща. – Каждый человек должен сам себя обслуживать. Это

ещё Лев Николаевич Толстой говорил.

– Надюша! Он же не только себя – он и тебя сегодня обслуживал. Вспомни, какие стейки жарил, – заступился за Богдана отец.

– Стейки – это так, баловство, вроде шашлыка. А заставлять пожилую женщину как-то по-особому складывать рубашки – это, я уже говорила, не наше воспитание, – возмущалась мама.

– Надя, ну не бесплатно же она их складывает! Может оплатить – значит, всё в порядке. Сейчас так принято, сейчас другое время, – настаивал отец.

– Время тут ни при чём! – отмахнула мама его возражение куда-то вниз и вбок. – Просто это человек не нашего круга.

Прасковье было вообще-то всё равно. Ей хотелось домой, к Богдану. Но она всё-таки ответила:

– Мамочка! Я никому не присягала всю жизнь находиться в нашем кругу. Может, в другом мне понравится больше.

Молодая тёща вдруг всхлипнула:

– Вот так, растишь-растишь... а они...

Отец обнял её за плечи:

– Ну что ты, Надюша? Старое старится, молодое растёт. Парень он хороший; Просю, похоже, любит и уважает. Всё будет путём.

– Вот именно: «похоже», – пробормотала мама, видимо, желая оставить за собой последнее слово.

Родители вошли в метро, а Прасковья со всех ног побежала домой. Очень хотелось увидеть Богдана, обнять, прижаться, потом поехать и проводить его на вокзале. В этом было что-то романтическое: невеста, провожающая жениха в важную и не вполне понятную командировку.

Но проводить не пришлось: Богдан решительно воспротивился тому, чтобы она ходила ночью по городу. В результате он проводил её до общежития, а потом уехал по прямой линии на Ленинградский вокзал.

8.

Предсвадебный месяц прошёл как во сне. Она слышала, что это месяц огромной суеты: и то надо сделать, и это, а ей ничего как будто и не надо. Даже перевезти свой небогатый скарб в квартиру Богдана она не решалась. Почему – сама не знала. Может, боялась сглазить. К тому же следовало купить платье, но почему-то не хотелось, и она откладывала.

Каждое утро она получала нежные послания от Богдана, в которых ей иногда чудилось что-то выдуманное, литературное. Она отвечала по законам жанра: люблю, жду с нетерпением, скучаю. И чуть-чуть о своей жизни: выдали дипломы, её группа устроила выпускной банкет, до августа разрешается жить в общежитии. Ей неожиданно предложили работу, в понедельник пойдёт знакомиться; контора какая-то непонятная, новая, только организуется. Рекомендовал её тот самый смешливый доцент, её научный руководитель, чего уж она совершенно не ожидала. Вроде как предлагал кое-кому ещё, но те оказались: это считалось вроде как ведомством по промывке мозгов населению, что горделивые москвичи, само собой, презирают.

От Богдана пришла открытка с изображением Спаса-на-Крови, опущенная в Питере: «Люблю, люблю, ты каждую

минуту со мной». Она впервые увидела его почерк. Почерк был очень разборчивый, даже элегантный, среднего размера, с сильным нажимом. В графологии это, кажется, означает ясность и последовательность мысли, а также склонность к доминированию. Орфографических ошибок не было. Почему-то стало тревожно: как они встретятся? Скорей бы уж... Глупо как-то быть невестой, ждущей суженого. «...женихом быть очень скучно, гораздо скучнее, чем быть мужем или ничем. Жених – это ни то ни сё: от одного берега ушел, к другому не дошел; не женат и нельзя сказать, чтобы был холост...» Чехов. «Любовь».

На вечеринке в честь окончания университета Прасковья всё хотела объявить, что выходит замуж. Но так и не объявила, что-то ей мешало. Только когда выходили, сказала Рине:

– Рина, ты будешь первого июля в Москве?

Рина вытащила смартфон и сверилась со своим расписанием:

– Ну, кажется, буду. А дальше, со второго, буду занята, у меня съёмка. – Прасковье показалось, что всё она врёт: и про необычайно плотный график, и про съёмку. Просто привыкла врать и постепенно втянулась, и поверила сама. Но Прасковья тут же устыдилась своих мыслей.

– Дело в том, что я выхожу замуж и приглашаю тебя в свидетели.

– Ну ты даёшь, Прасковья из Подмосковья! И ни сном ни

духом! Девочки! Девчонки! Прасковья замуж выходит. – Но согруппницы уже ушли вперёд, и никто не отозвался.

– Что ж, поздравляю, первая ласточка! – Рина чмокнула Прасковью в щёку. – И охота тебе губить молодость?

– Охота! – ответила Прасковья с несвойственной себе категоричностью. Ей почему-то хотелось противоречить Рине.

– Ого! Любовь что ли?

Прасковья не ответила. Тогда Рина перевела обсуждение в практическую плоскость:

– Надеюсь, москвич? С квартирой?

– Угу, – кивнула Прасковья.

– И кто же этот счастливец? – с обычной своей иронией осведомилась Рина.

– А что тебя интересует?

– Ну, основные данные резюме.

– Звать Богдан, 25 лет, военный переводчик, ранее не судим, в браке не состоял, зарегистрирован в Москве, район Басманный, проживает по месту регистрации, – отбарабанила Прасковья с той же иронией, с которой спрашивала Рина.

– Военный! Двадцать пять лет! – воскликнула Рина с комическим ужасом. – Что за деревенские вкусы! Ему что, нужно срочно отъезжать в Забайкальский военный округ?

– Да нет, вроде не нужно, – пожалала плечами Прасковья.

– Тогда нафиг жениться? – продолжала Рина. – В двадцать пять-то лет? Какие-то затеи сельской простоты.

– Ну я и есть сельская, – согласилась Прасковья.

– Ты чего – беременная что ли? – догадалась Рина.

– Ни в одном глазу! – покрутила головой Прасковья.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – развела руками

Рина. – Мне даже хочется увидеть твоего... этого... как его?

– Увидишь. Так ты придёшь?

– Так точно! – дурашливо вытянулась Рина. – А что тебе подарить? Полотенца там какие-нибудь, скатерти, утюги?

– Книга – лучший подарок, – ответила Прасковья, как Богдану накануне своего дня рождения. («А как давно это было!»). Я же дочь и внучка учительниц литературы.

– Ну и какую же книгу?

– Подари мне хороший атлас мира. У меня нет, а иногда хочется что-нибудь посмотреть на бумаге.

– Забайкальский военный округ?

– Ты угадала, – кивнула Прасковья.

– Ты всё-таки деревенская. Тебе только за военного замуж.

– Вот я и выхожу, – сухо ответила Прасковья.

Платье купить всё же было надо. Прасковья зашла в несколько салонов свадебных и вечерних нарядов: дорого и глупо. Неожиданно решение нашлось само собой в родном городке.

Она заехала на два дня к родителям. Почему-то было тревожно и как-то не по себе. Надо было говорить о предстоя-

щей свадьбе, рассказывать что-то о женихе, обсуждать бытовые мелочи, играть роль счастливой невесты. Главное, деньги надо было оставить родителям на организацию свадебного пира. Сделать это просто и прямо было невозможно: надо как-то сунуть их Зине, в крайности – отцу, чтобы мама ни в коем случае не была оскорблена получением денег от Богдана. Всё это было нелепо и тягостно, и Прасковья пошла побродить по городу.

Набрела на магазин льняных изделий, где продавались вышитые фартуки, цыганские юбки и петухи на чайник. Магазина этого вроде как прежде не было. Не думая о свадебном наряде, зашла: лён ей всегда нравился.

Вошла – и тут же увидела то, что нужно: серовато-голубой комплект из жакета и юбки с вологодским кружевом в цвет ткани. Костюм был в единственном экземпляре. Жакет мягкий, с защипами вокруг талии, рукава чуть ниже локтя, юбка-годе, до середины икры. Цвет – идеально подходящий, только бы размер подошёл! Подошёл и размер, ничего ни ушивать, ни подшивать не надо. Бывает же такое везение! Её синевато-серые глаза сразу стали синее в этом костюме. Она тут же его купила. И в ста метрах от льняного магазина нашлись идеально подходящие синие туфли на каблучке средней высоты, как она любит, так и не научившись ходить на шпильке. Всё вместе двадцать тысяч – вполне бюджетно.

Могла потратить и побольше: Богдан скинул на карточку «на обзаведение», как он выразился. Но тратить не свои деньги ей было как-то неловко, а деньги Богдана она ощущала как не свои. Она даже возражала: «Что у меня своих что ли денег нет?». Наверное, Рина права: она закомплексованная и несовременная.

Дома покупку оценили, но слегка разочаровались, что не белое платье. Но тут же практически рассудили, что так, пожалуй, даже лучше: комплект подойдёт для будущего – и на работу можно, и в театр; её родные были уверены, что она, живя в Москве, то и дело ходит в театр. Опять же можно отдельно носить юбку и жакет. Жакет отлично смотрится с джинсами. И стирается хорошо: мама почему-то всегда оценивала вещи с точки зрения будущей стирки, хотя стирала и гладила по большей части тётя Зина.

Тётя Зина, умевшая шить шёлковые ридикюли и вообще умелица на все руки, тут же извлекла из своей заначки кусок скользкого блестящего шёлка и принялась мастерить маленькую сумочку к Прасковьиному костюму. Сумочка тёмно-синяя, под цвет туфель, а на ней мастерица-Зина вышила шёлком очень натуралистические незабудки. Невеста получилась хоть куда. Потом на её ридикюль, переживший несколько исторических эпох, обращали внимание на самых престижных сборищах и в самых торжественных об-

стоятельствах.

За два дня до бракосочетания выяснилось: Богдан придет только утром в день регистрации. Регистрация назначена на 16 часов, он постарается быть не позднее трёх. Свидетель по имени Родион, друг и сослуживец Богдана, заедет за свидетельницей, потом они вдвоём – за невестой, а жених приедет прямо в ЗАГС.

Прасковья отвратительно спала две последние ночи: ужасно боялась, что задержится какой-нибудь рейс, что-нибудь там не стыкуется, он опоздает и выйдет ужасный конфуз. Богдан звонил ей, уверял, что всё будет отлично, но ведь всякое может быть. Ей почему-то казалось, что она ужасно и непоправимо опозорится, Рина будет над ней смеяться всю оставшуюся жизнь. Зачем ей вообще была нужна Рина и нельзя ли было пригласить кого-нибудь другого – это ей как-то не приходило в голову.

Накануне вечером ей позвонил свидетель и проговорил с оттенком едва заметного ёрничанья:

– Прасковья Павловна! Меня зовут Родион Чернов, я сослуживец Богдана и ваш свидетель. Мне приказано эскортировать Вас к месту Вашего бракосочетания. Но прежде я должен забрать свидетельницу. Благоволите сообщить её имя и телефон.

Прасковья сообщила. Через несколько минут он позвонил опять:

– Разрешите доложить: с mademoiselle Риной достигнута договорённость, в четырнадцать ноль-ноль мы будем в холле вашего общежития. Честь имею.

– Погодите, Родион. Я очень беспокоюсь: вдруг Богдан не успеет? Что тогда получится? Мы окажемся в дурацком положении.

– Разрешите доложить план Б, – с готовностью произнёс Родион самым деловым тоном, словно и в самом деле докладывал начальству, – на Вас женюсь я. Богдан говорил о Вас с таким восхищением, что я готов жениться в любой момент: я совершенно доверяю его вкусу.

– Родион, ну что Вы такое несёте! – невольно рассмеялась Прасковья.

– Если Вас не устраивает план Б, предлагаю положиться на благодетельную фортуна. Со своей стороны уверен, что Богдан сделает всё возможное и невозможное, чтобы прибыть своевременно.

Станным образом, разговор с этим насмешником её ободрил. «Как-нибудь обойдётся!» – с этой мыслью она легла спать.

9.

Утром она вскочила в семь, потому что боялась опоздать. Куда – она сообразила не сразу. Потом сообразила – в парикмахерскую, куда была записана на десять. Слава Богу, время есть, салон рядом. Ни есть, ни пить не хотелось.

В парикмахерской сделали довольно нелепую, на её взгляд, причёску: лицо обрамляли то ли колбаски, то ли штопоры из волос. Она было попробовала возражать, но ей сказали, что именно такова должна быть свадебная причёска, и она не решилась спорить с профессионалами: вдруг и впрямь так надо? Но что было придумано неплохо – это мелкие голубые цветочки, вплетённые в волосы. Они удачно перекликались с незабудками на ридикюле, и это примирило Прасковью с колбасками. Макияж она делать не стала: покрасит губы и ладно, а то, не дай Бог, нарисуют какие-нибудь колбаски. Или штопоры.

Богдан успел. Он выскочил из такси, за десять минут до назначенного времени, на ходу натягивая светло-серый пиджак, оказавшийся тоже льняным, что Прасковье показалось добрым знаком. Красивый и загорелый, словно вернулся с пляжа, а не из командировки. Только совсем вблизи было заметно, что он устал: вокруг глаз появились морщинки. Прас-

ковья бросилась к нему и, не обращая ни на кого внимания, прижалась к груди.

– Ты приехал, ты здесь!

Чего тут было больше: любви или облегчения – трудно сказать.

– Любимая моя, солнышко моё, прости, что тебя встревожил. Поверь, по-другому не получалось. Но зато я так много успел, что мы можем спокойно провести наши каникулы. Теперь всё, мы вместе. Познакомь меня со своей подругой.

Рина меж тем стояла поодаль, скептически улыбаясь. Она была стройна и стильна – сорок второй размер, зелёное маленькое платье с оголённой треугольником спиной, чёрные лакированные туфли на высочайшей шпильке, совершенно незаметные колготки, изящный лакированный мини-рюкзачок и надо всем этим – элегантное свежешукоженное каре, выкрашенное в три цвета с преобладанием рыжего. Прасковья привычно почувствовала себя жирной и провинциальной со всеми своими незабудками и колбасками.

Прасковья, держа за руку Богдана, словно боясь потерять, подошла к ней.

– Познакомься, Рина: это Богдан, мой муж (она почему-то сказала «муж», хотя формально он мужем ещё не был), а это Рина – моя однокурсница и одногруппница. Рина протянула руку с лёгким изгибом, намекая на поцелуй. Однако Богдан

изгиб проигнорировал и гендерно нейтрально пожал руку, почтительно наклонив при этом голову. Прасковья поняла: Рина не понравилась. И ей Богдан, похоже, не понравился.

Тут выяснилось ужасное: они забыли купить пресловутый букет невесты. Родион рванул на улицу и буквально через пять минут вернулся с двумя плотно увязанными проволокой букетами незабудок. С них капала вода: наверное, торговка держала букеты в ведре с водой.

– Быстро носовой платок! – обратился он к жениху. Богдан, не рассуждая, протянул ему пачку бумажных одноразовых платочков. Родион вскрыл зубами упаковку, промокнул цветы и нецеремонно сунул оба букета Прасковье.

– Тётка сказала, что незабудки какие-то особые, – пояснил он. – Растут обочь студёных ключей, что струятся в реку. Как тебе, Богдан, мой древнерусский? – обратился он к жениху, вышучивая, как догадалась Прасковья, склонность Богдана к словарю Даля и подобным источникам. Богдан не отреагировал.

– На моей родине такие незабудки тоже есть, правда. И растут они по краям ручейков, что питают реку, – почему-то обрадовалась Прасковья. – Везде незабудки уже закончились, а там цветут всё лето.

– Дай сюда! – Рина категорически отобрала незабудки у Прасковьи.

На подоконнике раскрутила проволоку, соединила буке-

ты в один и аккуратно разместила по краям ландышевые листья, которыми были окружены букеты, ловко обернула объединённый букет проволокой и возвратила Прасковье.

– Держи! Бедная Лиза нервно курит в сторонке. Да не внизу держи, а у талии, – проговорила она с едва заметной брезгливостью. – Тебя ж фоткать будут.

Незабудки на фотографии вышли отлично, даже отдельные цветочки различить можно. А уж как подошли к её наряду! Так что не было б счастья, да несчастье помогло. В этом Прасковье тоже почудился добрый знак.

Тут их вызвали.

– Является ли ваше намерение вступить в брак свободным, осознанным и взаимным? Отвечайте сначала Вы, Прасковья Павловна.

– Да, – почему-то хрипло ответила Прасковья.

– Отвечайте Вы, Богдан Борисович.

– Да.

Расписывались они, потом свидетели. Невесть откуда взявшийся фотограф фотографировал; наверное, он служил при Дворце бракосочетания, а может, его заказал Родион. Рина на своих каблуках напоминала цаплю, которая поселилась пару лет назад у них под горой в болотистой заводи.

– В знак любви и верности обменяйтесь кольцами.

Служительница принесла кольца на подносе. Прасковья удивилась: кто и когда позаботился о кольцах? Богдан надел ей на палец кольцо, в котором по всей окружности были вде-

ланы маленькие бриллиантики. Откуда он знал её размер? А ему она надела традиционное обручальное.

Она посмотрела на Родиона и Рину. Родион глядел серьёзно и доброжелательно. Рина – с привычной иронией.

Так же она глядела и в стейк-хаусе, куда они отправились обедать. Прасковье, впрочем, было всё равно, куда идти. Есть не хотелось, хотя она не ела с утра. Утром она только выпила в общаге чаю из пакетика. Они крепко держались за руки, словно первоклассники на экскурсии. С того дня у них образовалась привычка ходить, держась за руки.

Сели на диван у стола, всё так же не расцепляя рук. Всё окружающее было далеко и неважно, она со сладким испугом думала о том, что случится с ними, когда они наконец окажутся дома. Испуга было больше, чем сладости. Богдан, казалось, думал о том же, а может, и не о том, а о чём-то постороннем и тревожном. А может, он просто устал.

Родион понял, что друг его отключён от реальности, и взял роль хозяина застолья на себя.

Долго не могли найти вазу для незабудок: в ресторане, как она поняла, были только высокие вазы под длинные цветы. Наконец официант принёс какой-то странный сосуд, возможно, соусницу и разместил в ней незабудки. Получилось

неожиданно красиво. Разлили шампанское.

– Ого! Ruinart. Душки-военные заказали приличное шампанское, – похвалила Рина, скорей всего, для демонстрации собственных познаний в бомонде и хайлайфе. Прасковья не различала сортов шампанского, потому оценить не могла.

– А почему не «Вдова Клико»? – спросила Рина с той же целью.

– «Вдова» слишком популярна, высока вероятность нарваться на польскую подделку, – пояснил Родион.

– А Вы, Богдан, какие напитки предпочитаете? – не унималась Рина. – У неё почему-то была выраженная потребность прикапываться к Богдану. Что-то в нём было такое, что вызывало в ней не проходящее и даже возрастающее раздражение.

– При потребности надраться – безусловно водку. При отсутствии потребности – хороший цейлонский чай, – без выражения ответил Богдан.

Рина улыбнулась, как человек получивший подтверждение своих предположений.

– И часто у вас появляется такая потребность? – спросила кокетливо.

– Не часто, – ответил Богдан по-прежнему без выражения.

Прасковье вдруг стало ясно, что ему противно всё происходящее и он жалеет, что женился на ней. Да, определённо жалеет, это видно. «Господи! Зачем всё это?»

– Тогда сузим вопрос, – продолжала меж тем приста-

вать Рина. – Какое шампанское Вы, Богдан, предпочитаете? Именно шампанское. Поскольку я работаю в журнале «Ways of Living – русская версия», мне это чисто социологически интересно. Даже я бы сказала – антропологически.

– Антропологически – Bollinger, – ответил Богдан, произнеся название напитка на французский лад и с отменным прононсом.

Рина изготавилась сказать ещё что-то ехидное, но Родион опередил её и поднял бокал.

– Будьте счастливы, друзья. Вообще – будьте. В наше время это главное. Остальное – приложится. В том числе и сорта шампанского.

– Душки-военные не слишком красноречивы, – заявила Рина. – Тогда мне придётся выступить более развёрнуто. Итак, я знаю Прасковью с ДВИ. Кто не в курсе, что это такое – это «дополнительное вступительное испытание». У нас в МГУ, помимо ЕГЭ, полагается сдавать ещё один письменный экзамен по профильному предмету. Вот там мы с Прасковьей и познакомились. И надо сказать, Богдан, Ваша жена сильно превзошла меня в баллах за это самое ДВИ, хотя я училась в крутой московской школе, а Прасковья – в обычной подмосковной. Потом Прасковья замечательно, просто лучше всех, училась в МГУ и читала всё задаваемое подряд. Едва зададут, а она уже прочитала. Мало того, она даже конспектировала – искусство, которым я, признаюсь, так и не овладела. Возможно потому, что с самого первого курса ра-

ботала по специальности. А что делать? Журналист – профессия практическая. Не отказываться же, когда зовут. И вот добрая Прасковья даже шпаргалки для меня изготавливала – самой-то ей они были без надобности, она и так всё знает. В том, что мне удалось получить законченное высшее образование в лучшем вузе страны – есть и заслуга Вашей жены – мадам... как теперь твоя фамилия, Прасковья?

– Я не меняла фамилию, – ответила та.

– Странно, странно, непорядок какой-то. И Вы это допустили, Богдан?

– Допустил, – слегка кивнул Богдан.

– Ну что ж, – вздохнула Рина, смиряясь с непорядком. – Я хочу пожелать моей подруге большого личного счастья. Даже если наши профессиональные пути разойдутся, мне бы хотелось, чтобы мы навсегда остались подругами. За тебя, Прасковья! И за твоего мужа Богдана, – добавила она.

– А пути-то почему разойдутся? – поинтересовалась Прасковья, смутно чуя подвох.

– Ну, мало ли... Журналистская профессия хлопотная, часто связана с разъездами. Душки-военные таких жён не терпят. Вот я, например, завтра уезжаю на съёмки, приеду невесть когда. И какой муж-военный это бы потерпел? Вот Вы, Богдан, потерпели бы такое безобразие?

– Работа есть работа, – скромно ответил Богдан.

– Ну вот Вы лично разрешили бы вашей жене уехать на съёмки на неопределённый срок, как я сделаю завтра? («Гос-

поди, умеет же она пиарить себя прямо на автомате!» – подумала Прасковья).

– Я не понимаю, как я могу разрешить или не разрешить человеку выполнять его профессиональные обязанности, – проговорил Богдан с едва заметным оттенком раздражения. «Достала!»), – подумала Прасковья.

– Вы, Богдан, какой-то нетипичный душка-военный, – заявила Рина. – Хотя по вам видно, что вы военные, – добавила она.

Вероятно, для её моно-спектакля ей требовалось, чтобы муж Прасковьи был военным, притом типичным.

– Спасибо, – проговорил Богдан. – Вы незаслуженно добры к нам. Мы оба очень мало военные и ещё меньше – души.

– Военные-военные! – настаивала Рина. – Это видно.

Этот увлекательный разговор прервался появлением плотного брюнета лет тридцати с небольшим кавказской внешности. Он подошёл к их столу, почтительно поклонился и представился:

– Здравствуйте, дорогие гости! Меня зовут Гасан Гасанов, я хозяин этого заведения. Хорошо ли вам у нас, нравится ли кухня, обслуживание?

Родион от имени всех присутствующих заверил, что всё нравится, а Гасан продолжал:

– Я уже видел вас однажды тут, а теперь, как мне сказали, вы отмечаете торжественный день вашего бракосочета-

ния. Это большая честь для меня. Я пошлю в подарок уважаемым молодожёнам бутылку вина, которое не продаётся в Москве. Это вино моей родины, моей родной деревни. Буду рад видеть вас всегда. – Он ещё раз поклонился и уплыл в подсобку. Через некоторое время официант принёс подарочный пакет с бутылкой.

– Он явно запал на тебя, – уверенно заявила Рина Прасковье. – Просто слюна до пола. Оно и понятно: ты – в их вкусе. – Она показала руками, в чём именно состоит их вкус: нечто пышное и корпулентное.

Богдан неодобрительно приподнял левую бровь.

– Рина, – проговорил он сухо, – прошу меня извинить, но Ваши предположения не кажутся мне уместными. Ещё раз прошу меня извинить.

– О! – радостно воскликнула Рина. – Вот и солдафон подъехал! Я говорила, что каждый военный в глубине души солдафон. (– А ещё дуболом, – вполголоса вставил Родион). Вот Вы, Богдан, себя и проявили! Вы ревнивый солдафон. И не вздумайте возражать!

Богдан неожиданно расхохотался, продемонстрировав свои сплошные зубы.

– Рина! Вы прелестны. Вы даже не представляете, какой потрясающий комплимент Вы мне отвесили. Я всю сознательную жизнь мечтал стать хоть капельку солдафоном. Старался. Упражнялся. И вот, оказывается, мне кое-что удалось.

Огромное Вам спасибо. Я буду носить Ваш комплимент, как медаль. Честное слово.

– Не знаю, чем уж тут гордиться, – пробормотала Рина.

Некоторое время все жевали. Еда, в самом деле, была отменная.

Богдан успел шепнуть на ухо Прасковье:

– Ты невероятно красивая, люблю тебя безмерно. – Прасковья не поверила. Это он сказал нарочно, чтобы она не огорчалась Рининой выходкой. Ей хотелось встать и уйти куда глаза глядят.

10.

Подкрепившись, Рина снова пошла в атаку.

– А вот скажите, господа офицеры, как вы относитесь к регулярной похвальбе по телевизору насчёт какого-то там вундерваффе, которое якобы у нас изобретено? Это что – правда? Враньё? Промывка мозгов? – спросила она, обращаясь почему-то преимущественно к Богдану.

– А что такое говорят про вундерваффе? Я, видимо, отстал от актуальных трендов, – проговорил Богдан.

– Ну, что изобрели какие-то ракеты, беспилотники, я в этом ничего не понимаю, да и понимать не желаю, но они всё вокруг якобы разят наповал, и нигде в мире такого нет. Это вообще как – чистая промывка мозга населению?

– Вряд ли это совсем беспочвенно, – ответил Родион, заметив, что Богдану совсем не хочется говорить. – Я думаю, разведки основных игроков работают исправно, а потому всё, что надо, друг про друга знают. Так что чистый блеф про вундерваффе, скорее всего, невозможен. Значит, что-то есть. В каком количестве и в какой степени готовности – тут трудно что-то сказать. Про конкретные характеристики и вообще детали – мы вам ничего сказать не можем: не наш профиль. Да и никто Вам этого не скажет.

– «И на вражьей земле мы врага разобьём малой кровью, могучим ударом», – продекламировала Рина издевательским тоном. – Тогда тоже бубнили пропагандоны, как мы сильны и вооружены. А потом еле ноги унесли. Всё повторяется, господа офицеры – я так понимаю.

– Пропагандоны, Рина, – это по Вашей части, – взглянул на неё Родион с лёгкой насмешкой. – А другие делали своё дело.

– И какое же, позвольте узнать? – иронически осведомилась Рина.

– НКВД организовывал спящие ячейки партизанского подполья в Белоруссии, строились промышленные площадки для эвакуации промышленности на Восток. Готовились к долгой и тяжёлой войне. Ну а пропаганда – это для публики.

– НКВД, в первую очередь, пересажало полстраны, – авторитетно заявила Рина.

– Наверное, это была цена, заплаченная за отсутствие се-

рьёзного предательства во время войны, – предположил Родион.

– Родион, ужасы Вы какие-то говорите! – Рина прижала пальцы к вискам. – Это же жизни человеческие! Лучше уж о вундерваффе. А Вы, Богдан, верите в эти чудеса военной техники? – обратилась она прямо к Богдану.

– Это не Пресвятая Троица, чтоб в неё верить. Вы, безусловно, правы в одном: пока оружие не испытано реальным боем, даже не просто боем – войной, – он произнёс это слово неожиданно жёстко, – судить о качествах этого оружия в полной мере невозможно, – ответил Богдан.

– Значит, по-вашему, всё это враньё, что говорят об этом вундерваффе? – настаивала Рина. – Или Вам неймётся испытать оружие реальным боем? Признайтесь уж!

Богдан слушал Рину, как человек, у которого сильно болит голова, слушает громкую музыку, которую невозможно выключить. Но он всё-таки сделал заметное усилие над собой и начал говорить:

– Сейчас, как мне видится, происходит испытание новых видов оружия, даже не так – новых средств борьбы. И ваше, медам, оружие – пропаганда – играет всё более важную роль, – обратился он к обеим дамам; Рина поморщилась, Прасковья согласно кивнула. – И ваши коллеги и товарищи по оружию не показывают блестящих результатов, к сожалению, – уколол он Рину. – Во всяком случае, история сви-

детельствует, – продолжал Богдан, – что накануне большой войны обычно случается малая, на которой испытывается новое оружие. Вот и сейчас возникает всё больше локальных конфликтов, и, наверное, неспроста. Перед Первой Мировой, например, была Англо-Бурская война. Кстати, эта война ровно за сто лет до операции НАТО в Югославии была первым конфликтом, мотивированным защитой «прав и свобод человека» и «ценностей цивилизованного общества». Это была новость, вернее много новостей. Не зря туда слетелись военспецы со всего мира. Там было множество интересных технических новинок: бездымный порох, шрапнель, пулеметы, униформа цвета хаки. Бронепоезда в нашем сознании ассоциируются с нашей Гражданской войной, а ведь они появились там. Специальные подразделения снайперов. Потом сама тактика буров – действия мелкими мобильными отрядами – стала основой для формирования спецназа. Что ещё? Родион, я ничего не упустил?

– Ещё был изобретён формат концлагеря, – мрачно добавил Родион. – Потом сильно пригодилось.

– Для Вас, Богдан, – прекрасная вещь – это пулемёт, – поджала губы Рина. – А для меня в убийстве людей нет ничего вдохновляющего. Я ненавижу войну и не понимаю, как ею можно восхищаться. Я люблю поэзию. И для меня эта самая Англо-Бурская война, на которую слетались, как Вы выразились, военспецы, как на выставку, это была та самая война, на которой погиб сын Киплинга, – явила эрудицию Рина. –

Вот вы любите Киплинга? – обратилась она ко всем разом.

– Я – нет, – ответила Прасковья. Разумеется, о нём нельзя судить по переводам Маршака. Переводы Маршака – хороши, оригиналы – несравненно хуже, очень слабенькие оригиналы. – Прасковья была раздражена и ей хотелось возражать.

– И Вы, Богдан, разумеется, тоже не любите Киплинга, как Ваша филологически продвинутая жена?

– Напротив, очень люблю, – вспыхнул Богдан, словно подросток, изготовившийся сказать остроумную гадость взрослым. – Очень ценю его цикл про Томми Аткинса, безвестного английского солдата. Вот это, например:

While it's Tommy this, an' Tommy that, an' "Tommy, fall be'ind",

But it's "Please to walk in front, sir", when there's trouble in the wind,

There's trouble in the wind, my boys, there's trouble in the wind,

O it's "Please to walk in front, sir", when there's trouble in the wind.³

Дамы не ловили с лёгкостью английский на слух, тем более киплинговские казарменные баллады, а потому в полной мере не сумели оценить изысканную колкость Богдана. Ро-

³ «Эй, Томми, так тебя растак! Сверчок, шесток знай свой», Но: «Сэр, пожалуйте на фронт» – коль ветер грозовой Да, братцы, «В добрый путь на фронт» – коль ветер грозовой, «Добро пожаловать на фронт», коль ветер грозовой. Автор перевода Александр Флоря)

дион усмехнулся: его английский был несравненно лучше.

– У Вас превосходное произношение, – похвалила Рина Богдана, – но Ваши идеи – ужасны. Вот из-за таких, как Вы, в мире и происходят войны.

– Такие, как мы, это всего лишь мелкий подручный инструмент могущественных сил, Рина, – поморщился Богдан, – да и идей у меня особых нет, да и войны происходят совсем не поэтому.

– И почему же? – с вызовом произнесла Рина.

– Надо полагать, такова падшая природа человека, – ответил Богдан. – Войны занимали гораздо больше времени в истории, чем мир.

– Значит, война неизбежна по-вашему? Мировая? – обратилась Рина к Богдану, одновременно настойчиво и кокетливо.

– Рина, – проигнорировал Богдан кокетство и ответил тоном терпеливого учителя, вразумляющего двоечника, – война уже идёт, и идёт постоянно. Возможно, нынешняя мировая война чем-то похожа на Тридцатилетнюю XVII века – отдельные очаги, меняющиеся коалиции.

Рина предпочла не углублять разговор о Тридцатилетней войне: знала она об этом чуть меньше, чем ничего. А Богдан – Прасковья заметила – упорно не хочет говорить о современной войне и уводит разговор в историю.

– Ну а наши-то когда влезут в какую-нибудь заварушку? –

раздражённо проговорила Рина. – Чтоб господам офицерам без дела не сидеть.

– Через полгода, думаю, громыхнёт возле наших границ, – сказал вдруг Родион без привычной иронии. – Всем мало не покажется.

– А Вы почём знаете, что через полгода? – повернулась она к Родиону.

– Интуиция. Чуйка. Распознавание образов. – Он говорил уже с обычной иронией.

Рина нервно вытащила из своего рюкзака пачку тонких и очень длинных сигарет и объявила, что пойдёт покурить. Курить тут было положено на улице. Роман без особого энтузиазма пошёл за ней.

Молодожёны остались вдвоём.

– Прости моё идиотское поведение, – сказал он, целуя её руку. – Я почти не спал в последние трое суток. Отсюда весь тот вздор, который я тут напорол. Кстати, я мимоходом совершил литературоведческое открытие.

– Вот это да! – изумилась Прасковья. – И в чём же оно состоит?

– Я понял, почему Чацкий нёс всю ту обличительно-поучительную чушь, которой все восхищаются уж двести лет.

– Совсем даже не все восхищаются. Пушкин считал его дураком, потому что он не понимал, что за публика перед

ним, и рассыпал бисер перед свиньями, – возразила Прасковья.

– И он был не прав.

– Кто не прав? – удивилась Прасковья.

– Пушкин не прав.

– И почему же?

– Чацкий просто устал, – объяснил Богдан. – Ну вот как я. Мы оба с ним попали с корабля на бал. И поэтому оба не могли найти верного тона в разговорах. И оба говорили не то, не так, не там и не тем. И оба выглядели совершенными идиотами. В этом моё литературоведческое открытие.

– А я увидела твоё сходство с другим литературным персонажем. Мне кажется, тебе хотелось сбежать в день свадьбы через окно.

– А что это за произведение? – удивился Богдан.

– «Женитьба» Гоголя. Неужто прошло мимо тебя?

– Ты знаешь – прошло. Хотя у меня есть российский аттестат, но получен он как-то легковесно, экстерном. Так что пьесы Шекспира я знаю лучше, чем Гоголя.

The time is out of joint. -

O cursed spite

That ever I was born

To set it right, – в детстве, да и позже, меня это волновало.⁴

Я сам себе казался тем парнем, которому суждено to set

⁴ Век расшатался – и скверней всего, Что я рожден восстановить его! /Перевод М.Лозинского/

it right.

– Бог с нею – с пьесой, – проигнорировала Прасковья Гамлета. – Признайся: хотелось тебе сбежать? – настаивала она.

– Мне хочется сейчас сбежать с тобой. Давай сбежим, а? Зачем мы тут сидим и говорим о чепухе?

– А мне всё время сегодня казалось, что ты разлюбил меня, – наконец выговорила Прасковья то, что хотела.

– Парасенька, родная моя, – Брови его сдвинулись, а в голосе прозвучало что-то от того вечера, когда они чуть не расстались, – ты же знаешь: это невозможно. Это единственная неизменная вещь в моей жизни. Всё может рухнуть, а это, пока я жив, останется. Жаль, что мало я тебе могу дать надёжного, но моя любовь – это то, что неизменно твоё. Это не зависит ни от чего: ни от обстоятельств, ни от событий, ни от твоего поведения – вообще ни от чего, – голос его звучал ласково и устало.

– Ты не боишься, что я загоржусь и перестану ценить? – проговорила Прасковья полушутливо.

– Тебе давно пора немного загордиться. Ты себя хронически недооцениваешь.

– А вот и наши друзья, не успели мы с тобой сбежать, – увидела Прасковья Родиона с Риной. Рина оживлённо щебетала по телефону.

Оказалось, что за Риной сейчас заедет её друг, влиятельный медиа-воротила и они куда-то поедут.

Прасковья и Рина встретились в туалете. Рина перед зеркалом точными, умелыми движениями поправляла макияж.

– Я тебе сочувствую! – приобняла она Прасковью за плечи.

– Это ещё почему? – удивилась та.

– Намучаешься ты со своим солдафоном. Скрутит он тебя в бараний рог. Увидишь!

– Ну и ладно – скрутит так скрутит! – легкомысленно ответила Прасковья и вышла из туалета.

Медиа-воротила уже шёл по проходу. Был он, на взгляд Прасковьи, старым и облезлым – лет, наверное, под пятьдесят или даже больше. Впрочем, для Прасковьи все люди после сорока сливались в одну нерасчленённую старость. Сорок, пятьдесят, шестьдесят, восемьдесят – какая разница? Рина вострепелась, защебетала, поцеловала Прасковью, приветственно помахала мужчинам и упорхнула. С воротилой она почла за лучшее друзей не знакомить. Когда они удалялись, идя рядом, Рина на шпильках была больше, чем на полголовы выше своего престарелого кавалера. Впрочем, говорят, это нынче модно и стильно.

Все трое испытали значительное облегчение.

– Ну что ж, друзья, давайте я вас отвезу, и на сегодня закончим, – проговорил Родион, решительно стаскивая с себя галстук и засовывая в карман пиджака.

Ехали долго и нудно, дойти пешком можно было бы, наверно, быстрее, но в машине был рюкзак и небольшой чемодан Богдана: не тащить же их в руках. Наконец приехали. Родион вытащил чемодан и занёс его в квартиру, намереваясь тут же уйти.

– Может быть, выпьем чаю? – предложил Богдан. – Рины нет, можно расслабиться.

– Да уж, – покачал головой Родион, – mademoiselle Рина – подлинный боец. Идеологического фронта, – он усмехнулся. – Скажите, Прасковья, она правда Ваша близкая подруга? Вы так не похожи...

– Ну, она же рассказала, что мы познакомились в процессе поступления в университет, – пояснила Прасковья. – А это что-то вроде однополчан что ли. Словом, такое не забывается. Потом, я была девочкой из провинции, из деревни, можно сказать, а она – столичная штучка. Она мне сильно помогла освоиться в Москве, правда-правда. Она мне по-своему нравится: такая энергичная, уверенная в себе, умеет заводить нужные знакомства. Меня тоже обучала нетворкингу. Я понятия не имела, что это такое. У нас в городке какой нетворкинг? И так все всех знают. Говорят, она способная журналистка. Жаль, что с Богданом у них произошло взаим-

ное отталкивание.

– А я Вам скажу с солдатской прямоотой, – возразил Родион, – дело было совсем наоборот. Он ей очень понравился, и она сильно Вам позавидовала. Потому что нельзя не завидовать девушке, заполучившей Богдана. – Прасковье не понравилось слово «заполучившей»: вроде как она его сама домогалась. Но возражать как-то глупо.

– Родька! Не пори чушь! – прикрикнул Богдан из кухни, где заваривал чай. – Парасенька, не слушай этого дурака.

– И, позавидовав, Ваша Рина поспешила обесценить в своих, прежде всего, глазах предмет своей зависти. Именно поэтому она целый вечер трюлила Богдана, впрочем, без особого успеха, – невозмутимо закончил Родион.

– Ну что ж, такая гипотеза возможна, – проговорила задумчиво Прасковья, – Но как оно есть на самом деле – знать нам не дано. Человеческая природа полна загадок.

– Одну из них я разгадал, – с ироническим самодовольством произнёс Родион.

– Вот вам чай и даже какие-то конфеты. – Богдан поставил на паллету огромный белый фарфоровый чайник, белые кружки и вазочку с «коровками». – Я должен привести себя в порядок после трёхдневного пути.

– И то сказать. После общения с mademoiselle Риной необходимо провести дезактивацию, дегазацию и дезинфекцию, как после применения противником оружия массового поражения, – невозмутимо заявил Родион.

– Зря Вы так, Родион, – покачала головой Прасковья. – А то я возвращу Вам Вашу же мысль: Вам понравилась Рина, но, не надеясь на успех, Вы объявили, что виноград зелен.

– Не просто зелен, а весьма токсичен, – ухмыльнулся Родион. – Во всяком случае, абсолютно несъедобен. И вообще это не виноград, а волчьи ягоды. Знаете такие?

– Как не знать? У нас под бугром такие растут, – засмеялась Прасковья.

– Родион, а у Вас есть девушка? – неожиданно для самой себя спросила она и тут же смутилась, поскольку всегда считала этот вопрос пошлым и свойственным провинциальным пенсионеркам.

– Бог миловал, – усмехнулся Родион. – Я вообще не нахожу в себе дарования иметь, так сказать, the девушку. Я стараюсь не предъявлять к людям непомерно высоких требований. А гипотетическая the девушка должна быть одновременно умной, красивой, образованной, самодостаточной, элегантной, неназойливой, приятной собеседницей, умеющей при этом иногда и помолчать. Трудно предположить, что все эти свойства сочетаются в одном человеке, а если вдруг сочетаются, то вероятность того, что это удивительное существо обратит внимание на меня, практически равна нулю. Поэтому приходится действовать по разделению: одна умная, другая красивая, третья обладает ещё какими-нибудь приятными свойствами и дарованиями. Я узнал от одной замужней дамы, что и женщины действуют таким же манером.

Меня она ценила за ненавязчивость; в последнее время я сильно усовершенствовался в этом качестве и вовсе исчез. Словом, краткий ответ на Ваш вопрос: девушки у меня нет.

Только знаете, Прасковья, – добавил он после паузы, – не говорите супругу то, что я Вам рассказал: он всё это называет «половая жизнь приматов» и говорит, что у него на это аллергия. Даже на чужие разговоры на эту тему аллергия. Так что не огорчайте его понапрасну, не обостряйте недуг.

– Что ж, не буду говорить, – недоумённо согласилась Прасковья.

Тут к ним присоединился Богдан. Он был в той самой чёрной футболке с золотыми непонятными узорами, в которой впервые встретил здесь Прасковью. Отросшие кудри тоже напомнили ту встречу. Родион ещё раз проверил, верно ли записан адрес Прасковьиных родителей, обещал быть вместе с каким-то Александром Владимировичем и наконец ушёл.

– Кто такой Александр Владимирович? – спросила Прасковья, будто это имело важное значение.

– Это мой начальник и учитель, – ответил Богдан. – Он знает меня с незапамятных времён. Мне показалось, что он сможет сыграть роль некоего старшего родственника что ли. Потом, если твоя мама захочет получить обо мне какие-то дополнительные референции – он ей их сможет дать. Меня он знает как облупленного. Пойдём допьём чай что ли...

Они сели на диван, она легла к нему на колени, физически

ощущая, как он напряжён и скован. Богдан не решался даже на те скромные ласки, что бывали меж ними прежде. Его скованность передалась и ей.

– Моему отцу ты очень понравился, – проговорила Прасковья, чтобы не молчать.

– Мне он тоже очень нравится, – ответил Богдан, думая явно о другом.

– Парасенька, мне нужно сказать тебе одну вещь... собственно, об этом следовало бы сказать раньше, но так уж получилось, что... – он замолчал, глядя на неё то ли с крайней усталостью, то ли со страданием. Ей стало ужасно жалко этого красивого, уже близкого, но не понятного ей парня. Она обняла его за шею, на мгновение прижалась к груди, а потом резко встала и заявила:

– Тебе надо отдохнуть. Ложись-ка ты спать. Я сейчас приму душ и тоже лягу. Дай мне только полотенце.

Он тут же засуетился, вытащил ей здоровенное махровое полотенце шоколадного цвета, что-то рассказывал насчёт шампуня и чего-то ещё – она не поняла. В ванной разделась и принялась перед зеркалом вытаскивать из волос вплетённые туда нынче утром незабудки: вытащить их оказалось не таким уж простым делом. Наконец последняя незабудка была выплетена, и она вошла в душевую кабину. Кабина оказалась исключительно удобной. «Господи, что это с ним? Может, с ним что-то не так? А что может быть не так? Мо-

жет, просто в самом деле устал? Самолёты, пересадки, смена часовых поясов – это действительно утомительно», – думала Прасковья тревожно. Текущая тёплая вода слегка успокоила, она трижды намыливалась и тщательно смывала пену. Больше делать было нечего. Она тщательнейшим образом вытерлась, высушила феном волосы, старательно причесалась лежавшей тут же щёткой обернулась полотенцем выше груди – получилось довольно соблазнительно – и босиком пошла в спальню, намереваясь нырнуть к нему под одеяло, и дело с концом. «В конце концов сейчас не викторианские времена, и современная девушка вполне может проявить инициативу, в том числе и в первую брачную ночь, – убеждала она себя. – К тому же только у таких устарелых идиотов, как мы, первая брачная ночь может быть действительно первой. Впрочем, кто его знает, мало ли что говорят и пишут...»

Пройдя три шага, что отделяли ванную от спальни, она растеряла всю свою решимость. Его она застала в постели под одеялом. Была включена только лампа, предназначенная для чтения. Она освещала угол картины, засунутой между кроватью и стеной.

– Давно хотела узнать, что это у тебя за картина? – Прасковья встала на колени на краю кровати и принялась вытаскивать картину.

– Парасенька, я завтра тебе её покажу, – проговорил он срывающимся голосом. – Иди ко мне! – он потянул её к себе.

Она сбросила полотенце и откинула одеяло.

Он лежал на боку, совершенно голый, мускулистый и дивно похожий на древнегреческих атлетов, что рисовали на античных вазах тоже в профиль – почему-то ей вспомнились именно они; может, оттого что те тоже были кудрявые. А продолжением позвоночника извивался длинный, гибкий, покрытый чёрной короткой шерсткой хвост, постепенно сужающийся к концу. Такие хвосты были у чертей из книжки про Средневековье, которую она выбрала себе в качестве подарка на день рождения.

Прасковье стало жутко, словно она попала в иное измерение. С трудом она удержала вопль ужаса.

– Так ты...ты... чёрт? – проговорила она, неловко прикрываясь только что отброшенным полотенцем. Он присел на краю кровати, уныло опустив голову и обвившись своим гибким хвостом, на конце которого она разглядела кисточку. Выходит, он может, как кот, поднимать-опускать-сгибать свой хвост, как хочет.

Приглядевшись, она поняла, что, в сущности, хвост очень красивый. И сам он – молодой, красивый, сильный. И страх стал уходить, а тело наполняться иным – желанием прикасаться, прижиматься. И мыслей никаких уже не было: при чём тут хвост, когда вот он, рядом – молодой мускулистый

красавец, к тому же, по какому-то изумительному стечению обстоятельств, её собственный муж, о чём в её ридикюле с незабудками лежит государственное свидетельство, сложенное в четыре раза. Она погладила его хвост. Он был покрыт коротенькой чёрной нежнейшей шёрсткой, как нос кота Насилия. Она провела рукой по всей длине хвоста, затем поднесла его к губам и поцеловала. А потом прижалась к его груди, тоже покрытой приятной вьющейся шёрсткой. И тут же почувствовала его мускулистые руки, всё его большое, сильное, мужское естество, которого наконец дождалось её белое и пышное.

– Любимая моя, сахарная!

«Сахарная – это что-то из Лескова, купчиха какая-нибудь», – промелькнуло в мозгу по привычке мыслить цитатами. А потом всё накрыла весёлая, наглая радость общения молодых и жадных друг до друга тел.

Она была не просто неопытна – она была девушкой, но какая-то неведомая сила вела её, и она точно знала, что нужно делать, чтобы доставить ему и, разумеется, себе! себе! как можно больше удовольствия. Она слышала, что в первый раз бывает больно, но больно не было, а было – изумительно.

Потом лежали рядом, откинувшись на подушке. Он был ошеломлён, даже, кажется, подавлен.

– Не бросай меня! – прошептал он ей куда-то в шею. Ей показалось, что на плече у неё стало влажно. Неужели он плачет? И та самая сила, что вела её, подсказала: не показывать виду! Не замечать!

– Зачем мне тебя бросать? – она положила голову ему на грудь, на самую шёрстку. Шёрстка была тёмная и кудрявилась, как его волосы. – Я тебя люблю. И всегда буду любить.

От всего пережитого хотелось спать. Она пристроилась к его плечу и начала падать-падать-падать куда-то в глубину.

– Ясочка моя, родная моя девочка, – слышала она сквозь сон. Кажется, и он тоже заснул, хотя был ещё только ранний вечер.

12.

Проснувшись поутру, она не нашла молодого мужа рядом. Он сидел у стола в широких стильных красных шортах в мелкий белый цветочек и что-то торопливо писал на ноутбуке. Хвоста не было видно, словно и не было его вовсе. Может он ей приснился?

– Красавица моя проснулась! – обнял он её. – А я, знаешь, привык рано... Когда надо что-то написать – встаю в пять, только утром и соображаю полноценно, потом одна суета. Сейчас только два предложения закончу – и сделаю кофе. Прости ради бога.

– Да я сама сделаю! – сказала Прасковья. Заглянула в чулан, нашла, где лежат его легендарные правильно сложенные рубашки, спросила:

– Можно я возьму твою рубашку: у меня халата нет.

– Конечно, – отозвался он рассеянно.

Надела белую льняную рубашку с коротким рукавом, которая вполне сошла за мини-халат, и пошла на кухню. Так началась их семейная жизнь.

Открыла все шкафчики, поняла, где что лежит. Очень опрятно, порядливо и пусто – это её с самого начала изумляло. Нашла крупу «Пять злаков» и долгоиграющее молоко. Значит, он ест кашу. Понятно, он месяц с лишним от-

сутствовал, поэтому почти никакой еды и нет. Вообще-то она могла что-нибудь купить. Мама права: не слишком-то она хозяйственна. Ну ладно, вперёд будет внимательнее. Нашла кастрюлю и стала варить. Хотела спросить, добавлять ли сахара, но решила не беспокоить попусту и добавила чуть-чуть.

Каша вызвала непропорциональный восторг. Он целовал её руки, а потом и всё остальное. Они стояли на кухне и целовались. Потом лежали в постели и тоже целовались. Надо ехать к родителям, праздновать свадьбу, а – не хотелось. Остаться бы тут, потом пойти побродить по городу. На плечах его, когда он поднимал руки, возникали прелестные складочки, покрытые шёрсткой. Она не удержалась и куснула одну такую складочку.

– Ого! Да ты хищница! – воскликнул он со смесью страха и восторга.

– А то! – победительно ответствовала она.

Остывшую кашу подогрели в микроволновке, затем он сказал:

– Парасенька! Я, наверное, должен что-то объяснить, но я не могу собраться с мыслями. Ты, может быть, сама спросишь... Я только одно скажу. Это пункт первый, даже нулевой. Я тебя люблю. И хочу быть всегда с тобой. Я всегда мечтал о тебе, и ты – пришла. Вот именно такая, как я мечтал. Точь-в-точь. Я тебя именно такой представлял.

«Варвара Андреевна, когда еще я был очень молод, я составил себе идеал женщины, которую я люблю и которую я буду счастлив назвать своею женой. Я прожил длинную жизнь и теперь в первый раз встретил в вас то, чего искал. Я люблю вас и предлагаю вам руку», – немедленно вспомнила внучка и дочка учительниц литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.